

Alinda L.

*Есть только
"сегодня"*

Alinda L.

Есть только «сегодня»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50762879
ISBN 9785449820723*

Аннотация

Это история о художнице, которая не смогла реализовать свой талант из-за психологических проблем. В этой истории нет «хороших» и «плохих» героев – каждый в чём-то прав и в чём-то ошибается. Это рассказ от лица человека, который не смог противостоять жизненным трудностям, и о последствиях проявления слабости. В этой книге, так же как и в жизни, не всё так, как кажется на первый взгляд. Эту книгу стоит прочитать до конца.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

169

Есть только «сегодня»

Alinda L.

Фотограф Max Morozov

© Alinda L., 2020

© Max Morozov, фотографии, 2020

ISBN 978-5-4498-2072-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Это утро было самым обычным, традиционным, ничем не запоминающимся началом дня, какие наступали в моей жизни уже миллион раз, несмотря на то, что проснулась я от переизбытка эмоций после увиденного сна. Как обычно первые минуты все мои мысли были о том, что я только что переживала. Я пыталась осознать всё, что увидела, уложить в своей голове, старалась вспомнить всё, что приснилось, потому что мне всегда это дико интересно. Вообще я обожаю сновидения за то, что они позволяют мне побывать в каких угодно местах, пообщаться с разными людьми, прожить какие-то интереснейшие моменты, которые вряд ли я смогу пережить в реальности, а самое главное, ПОЧУВСТВОВАТЬ то, что иногда чувствую во снах. Сны, наполненные нереаль-

ными ощущениями, самые ценные для меня, наверное, потому что в жизни крайне редко испытываю что-то хотя бы близко похожее на эти ощущения. Кстати я пришла к выводу, что в жизни и невозможно прочувствовать всё так, как во сне, потому что когда мы спим, не задействована физиология, к тому же нам не мешает куча потусторонних вещей как в реальной жизни, так мы полностью погружены в то, что проживаем в рамках сновидения. Чаще всего в таких снах подобные ощущения я испытываю, когда обнимаю кого-то (почти всегда это именно мужчины), но бывают и другие обстоятельства, когда меня охватывает чувство страха, либо восторга или удивления... Безусловно, мои сны всегда интересны и наполнены каким-то закрученным сюжетом, часто состоящие из абсолютно несвязанных между собой историй, по которым можно было снять суперсериалы с большим количеством серий. Конечно, у меня есть тайная нереальная мечта посмотреть когда-нибудь ещё раз самые интересные из моих снов, только уже записанных на плёнке, вот это было бы здорово! Помимо того, что я люблю испытывать нереальные ощущения во время сна, я ещё и стала понимать, что чувствую во снах каких-то людей, чувствую так, как очень тяжело почувствовать их в реальности. Вот это мне особенно нравится. Бывало такое, что после того, как мне приснился какой-то человек, я влюблялась в него, что, как мне казалось, очень круто, так как это значило, что сон изменил моё отношение к человеку, а значит, каким-то образом повлиял

на меня в реальности. К тому же я с раннего детства люблю находиться в состоянии влюблённости. Скорее всего, потому что это отвлекает меня от суровой и скучной реальности, которая мне, мягко говоря, никогда не нравилась. Я жила всегда в каком-то своём мире, где было всё намного красивее и интереснее, чем в настоящей жизни. Видимо, на это повлияло детство, которое я провела у экрана телевизора, смотря каждый день сериалы и фильмы о любви и сложных, лихо закрученных поворотах судьбы. Ох, как захватывали меня все эти экранные истории! Определённый период своей жизни я жила только ими... да и сейчас не против вновь уйти в какую-то интереснейшую ирреальность, но теперь, зная, как тяжело бывает оттуда возвращаться, уже зачастую останавливаю себя, приказав себе однажды как можно меньше отдаваться чувствам и желаниям, плотно застилающим глаза на реальную жизнь, которая диктует свои жёсткие законы, особенно тем, кто предпочитает уходить в «параллельные» миры. Тем не менее я редко связываю сны с реальностью, чётко понимая, что сновидения – это лишь отражения того, чем наполнена моя голова, и не более. Больше всего поражает то, как моё подсознание придумывает какие-то несуществующие или существующие, но никогда не посещаемые мной, места, а также людей, которых никогда в жизни не видела. Вот этого мне понять пока не дано. Иногда сны раскрывают смысл моих проблем в настоящей жизни, но реально они никак не помогают решить их, но, несмотря на это, сны –

одно из лучшего, что есть в моей жизни. Более того, я люблю жизнь за то, что в ней есть место прекрасным сновидениям, в которые так приятно уходить, особенно когда очень устал от действительности.

Я почти никогда не придавала значения тому, как начинается день, видимо, потому что просто не до этого было. Много лет я жила по готовому сценарию, где был расписан каждый день и час, и не было ни одной свободной минуты, когда я могла бы просто пожить для себя и заняться тем, чем действительно хочу. Настал момент, когда я решила всерьёз задуматься над тем, что же по-настоящему важно для меня и вообще как нужно жить так, чтобы и получать удовольствие от жизни, и при этом ещё и делать хоть что-то полезное. Такой момент наступил, когда я закончила вуз, не устроилась на постоянную работу, появилось время, и я, наконец, стала жить так, как всегда хотела. Только потом я поняла, что такая жизнь мне тоже не нравится, что реальность предлагает совсем не то, что я хочу, а скорее предлагает лишь то, что я не хочу, но времени подумать о том, что же делать дальше, не было. Хотя, по правде говоря, это я думала, что времени не было, на самом же деле мне просто неохота было строить какие-то новые планы, так как за последние годы мной было построено слишком много планов, и ни один из них не был выполнен до конца. В какой-то момент я подумала: «К чёрту планы! Буду жить свободно и делать то, что хочется в данный момент!» Да, я люблю спонтанные решения, но ча-

ще всего отсутствие чётких планов у меня выливается просто в хаотичное ничегонеделание, которое, в свою очередь, выливается в пустую трату времени, о чём я в редкие проблески сознания жалею. Так вот некоторое время я лежала в кровати, обдумывая всё то, что мне приснилось, но как всегда совсем скоро ко мне начала возвращаться память о том, что произошло и должно произойти со мной в действительности, и настроение моё сильно испортилось, а всё воодушевление от недавно пережитого довольно быстро улетучилось. Неохотно я открыла глаза и посмотрела в окно. Там было как обычно светло-серое небо, которое я ненавижу уже много лет и которое я в принципе не понимаю. Для меня это какой-то странный занавес, который всегда таинственным для меня образом быстро появляется и так же быстро исчезает. Но держится очень долго, если появляется. Половину своей жизни я прожила, не задумываясь об особенностях климата города, в котором живу, поэтому, собственно, и жить было намного легче. Но по прошествии времени, я узнала, что «закрытое» небо на протяжении нескольких месяцев без какого-либо проблеска солнца для большинства городов на планете не является нормой, и мне стало невероятно плохо. До сих пор мне тяжело принять реальность такой, какая она есть. Поэтому, увидев привычную картину за окном, я накрылась одеялом с головой и, даже не посмотрев в телефон, решила продолжить пребывать в прекрасном состоянии сна. Но как только я начала засыпать снова, мой

телефон громко зазвонил. Увидев на экране: «Мама вызывает», я, недолго думая, перевернула телефон (таким образом, звонок переходит в беззвучный режим). Я стала часто откладывать на потом то, что вполне могла сделать в нужный момент, но очень не хотела, находя миллион «причин», чтобы только этого не делать. Собственно, именно это и тормозило процесс моего развития, деятельности и вообще всю мою жизнь. Тем временем звонки продолжались практически без перерыва на городской телефон и на второй мобильный, который, к счастью, был на «вибрации». В итоге мне пришлось ответить.

— В чём дело, я не поняла? Ты почему не подходишь к телефону? Почему я должна звонить сто раз?! Что за отношение к матери? Когда это уже закончится?! Почему тебе обязательно надо испортить мне настроение в самый разгар дня?! Когда ты уже поймёшь совесть и поймёшь, что моё время в отличие от твоего очень дорого стоит, и я не намерена убивать его впустую так, как вот уже несколько лет это делаешь ты?! — поток её вопросов обычно тяжело остановить, а в этот раз я и не пыталась это делать. Чаще всего в такие моменты я просто молчу, а на какие-либо вопросы вообще отвечаю очень кратко, что в принципе для меня нехарактерно. Как я сейчас понимаю, это привычка из детства, когда я боялась сказать маме что-то не то, чтобы она, не дай Бог, не бросила трубку в порыве гнева, потому что это могло значить то, что она не вернётся в этот день домой или не захо-

чет долгое время со мной разговаривать, а так как я сильно зависела от мамы, для меня потерять с ней какую-либо связь было страшнее всего. Но со временем некоторые мои страхи, к счастью для меня, стали ослабевать. — И что же ты делаешь, что не поднимаешь трубку?

— Да я... не слышала звонков, я... была в ванной... — ничего лучшего я придумать в тот момент не смогла, хотя исходя из моей многолетней практики подобных разговоров, соображать, что бы убедительное сказать маме, чтобы она успокоилась, я умела быстро и, как мне казалось, хорошо.

— Ты что всё ещё спишь? Ты знаешь, сколько времени?! — моя мама не раз говорила, что знает про меня всё, чувствует меня даже на расстоянии и по интонациям моего голоса может сказать, где я нахожусь и что делаю, поэтому просила меня больше не врать ей, но позволить себе говорить ей всегда только правду я до сих пор не могу.

— Нет, конечно! С чего ты взяла? — сказала я как можно увереннее, судорожно оторвав телефон от уха и посмотрев, который час. На часах было «14:32». Честно говоря, ничего ужасающего в этом я не нашла, поскольку на утро и день у меня не было запланировано никаких важных дел, к тому же спать я легла опять под утро, что уже давно стало для меня в порядке вещей.

— Да что ты думаешь, я не понимаю, что ты всё ещё в кровати? Ты зря думаешь, что я живу в полном неведении о происходящем! Слушай, тебе самой не надоело так жить? Ва-

латься в постели полдня, оставшуюся часть дня заниматься хернёй... Хотя раз сделала бы что-то полезное хотя бы для себя, я уж не говорю про меня и других людей! Когда ты в последний раз убиралась в своей квартире? Я даже приезжать к тебе не хочу, потому что знаю, что просто не выдержу тот ужас, который увижу! – таким образом, начался традиционный поток претензий и нравоучений от мамы, который я должна была просто выслушать, и, чтобы мне было комфортнее, я положила трубку рядом с собой и закрыла глаза, зная, что мамина речь займёт несколько минут.

Мы с мамой разъехались 4 года назад почти сразу после окончания мной института. Абсолютно неожиданно мама решила сделать мне такой подарок и оставила мне нашу квартиру, в которой мы жили с моего рождения, а сама переехала в квартиру, которая осталась ей от её двоюродной бабушки, за которой мама много лет ухаживала вплоть до смерти старушки. Несколько лет она сдавала эту квартиру, но потом решила, что мне стоит какое-то время пожить одной, это было что-то вроде эксперимента. Но в итоге этот эксперимент затянулся, так как мне уж очень понравилось жить одной. Маман живёт на другом конце города, но это не мешает ей приезжать ко мне каждую неделю, а бывает, и через каждые 3—4 дня. Порой я этому бываю рада, потому как мама может приготовить мне что-то вкусное и порадовать какими-то интересными и любимыми продуктами, что часто и делала, но всё-таки нередко мне хочется побыть

одной в спокойной обстановке, чтобы поработать или по-кайфовать, занимаясь по сути бездельем. Но бывает и так, что я скучаю по ней, по нашему общению и милым посиделкам на кухне, по совместному просмотру фильмов или передач... Но в последнее время всего этого стало крайне мало, мы всё больше говорим о проблемах, чем просто обсуждаем какие-то новости или говорим о каких-то абстрактных, но интересных вещах. У мамы слишком много претензий ко мне, которые не дают ей ни дня прожить спокойно, а я всё больше убеждаюсь в том, что мы слишком разные люди, которым каким-то пока что необъяснимым для меня образом было предначертано судьбой соединиться вместе в нечто единое, что невозможно разрушить в рамках реальной жизни. Мама нередко говорит, что мы «сиамские близнецы, но смотрящие в разные стороны». Связь с ней у меня действительно сильна, как и у неё со мной, но так скорее сложилась жизнь, мы это не выбирали. Если бы мы могли выбирать, то я бы вряд ли вообще сделала бы выбор в пользу того, чтобы быть неразрывно связанной с мамой, чтобы зависеть от неё почти во всём, чтобы быть не в состоянии жить без неё спокойно и легко и так далее. На деле это ужасно, такая связь ни к чему хорошему не приводит, но мы уже ничего не можем с этим сделать. Так сложилось. Родителей и детей же не выбирают. Хотя недавно я прочитала в Интернете, что дети якобы выбирают себе родителей при появлении на свет. Ну типа неспроста какие-то особенные де-

ти рождаются у особенных родителей и что-то подобное... Типа всё неслучайно. Я тоже задумывалась о том, что моя мама мне досталась не просто так. Другая, наверное, не выдержала бы такого ребёнка как я. С таким тяжёлым характером, нетрадиционным мировоззрением и многими другими качествами с негативным оттенком. Для чего и почему я досталась маме..? Не знаю. Хочется верить, что для того, чтобы изменить её мировосприятие и отношение ко многому в жизни. Но пока за все эти долгие годы я не увидела особых изменений в её образе мышления и поведении. Моя мама – «крепкий орешек». Она имеет стержень внутри, сильный характер, во многом категорична и непоколебима, верна советским «идеалам» поведения, отношения к людям, к труду и вообще к жизни. Она любит повторять мне одни и те же догмы, свято веря в то, что именно то, что она говорит, и является истиной в последней инстанции, и что спорить со всеми её словами бессмысленно. Больше всего меня «убивает» её традиционный аргумент, который звучит как: «Ну так же делают все!» Во многом она действует и думает так, как большинство, но в особенно важных, на мой взгляд, вопросах, она по жизни всё делает только так, как сама считает нужным, не слушая при этом вообще никого. Иногда она бывает очень уверена в своих действиях, а порой слишком неуверенна; и то, и другое меня каждый раз удивляет, так как её поведение зачастую чересчур непоследовательное и наполнено контрастными перепадами настроения. Она всю

жизнь твердит мне: «Ты живёшь в обществе», на что я ей всю жизнь отвечаю: «Я не живу в обществе, я живу одна, сама по себе!» Поскольку я такая же упрямая, меня не сломить постоянным повторением канонов их советской жизни, которая мне, по рассказам, абсолютно не нравится, меня трудно переубедить, хотя у меня очень хорошо развита логика. Моя же мама, кстати, с логикой не очень дружит, по сути ей наплевать на неё – у неё другие жизненные ориентиры.

Через несколько минут в трубке послышался вопрос, на который я не сразу смогла ответить, так как не особо слушала, что там говорит маман.

– Ты меня слышишь? Почему молчишь?

– Что?! – спросила я недовольным голосом, потому что не в силах была менять тембр и говорить с мамой очень мило и покладисто, чтобы лишний раз не злить.

– Ты не слушала что ли, что я тебе говорила?! Мне звонила Ирина, с которой мы познакомились на свадьбе. Она просит тебе нарисовать для неё картину в подарок сестре. Хочет чего-то необычного и красивого. Сделаешь?

– А поподробнее можно..? Я же просила конкретнее формулировать задачи... – сказала я, приподнимаясь с кровати и укладывая подушку так, чтобы мне было удобнее сидеть. Уже не первый раз мама даёт мне абстрактные задания, не объясняя ничего и не говоря более конкретно, что же нужно сделать. Это повторяется из раза в раз и начинает меня немного раздражать.

– Конкретно я не знаю! Она и сама не знает. Просто какой-то красивый пейзаж.

– Мам, ну я же должна знать предпочтения заказчика! Хотя бы примерно...

– Ну ладно, я спрошу у неё. Но в целом ты меня поняла? Не слышу ответа... – мама любит повторять эту фразу, так как всегда хочет слышать определённые ответы от дочери.

– Да, поняла. Сколько у меня дней на работу? – спросила я, снова закрыв глаза.

– Ну... где-то дня 3... Слушай, давай вставай уже, хватит лежать! Сходи на стадион, пробегись, вдохни свежий воздух, займись собой, наконец! А то сидишь в четырёх стенах, да ещё и непонятно, чем там дышишь! Поднимайся! – и после этих слов мама положила трубку.

Прележав в кровати ещё некоторое время я решила, наконец, встать, поскольку поняла, что придётся срочно ехать за холстом, так как у меня не осталось в запасе новых багетов. 3 дня для работы на холсте среднего размера – это достаточно мало, поэтому действовать я должна была быстро. Но, как известно по опыту, быстро действовать я умею крайне редко, только в каких-то экстремальных ситуациях. Я умылась, позавтракала довольно быстро: на этот раз я не стала сидеть за едой час, как порой бывает. Организовать и собрать себя мне крайне трудно, я давно поняла, что самодисциплина и я – понятия абсолютно несовместимые. Поэтому я очень часто опаздываю, а если совсем честно, крайне редко при-

хожу куда-либо вовремя и это только благодаря чуду! Даже если я не буду расслабляться, всё равно на каком-то этапе задержусь, и те самые 15 или 20 минут, которые и сыграют решающую роль, пролетят незаметно. Я сама в эти моменты удивляюсь, как невероятно быстро летит время! В этот раз я решила немного привести себя в порядок и накраситься, хотя в последнее время делаю это тоже крайне редко. Давно прошли те времена, когда я была «при полном параде» абсолютно каждый день, делала полный макияж, не понимая, что часто это выглядит в обычной жизни совершенно неуместно. Я поняла, что не нужно лишний раз тратить время на наведение марафета, если выглядишь не так уж и плохо. Но в данной ситуации следы недавнего сна настолько прочно осели на моём лице, что я поняла, что нужно хотя бы придать лицу нормальный цвет и немного накрасить ресницы. На губы я обычно наношу увлажняющий бальзам с красящим пигментом, так как это просто необходимо, поскольку у нас всегда очень холодно и надо защищать губы, ну и к тому же они у меня уже давно слишком бледные сами по себе.

Я начала красить глаза и как обычно неудачно моргнула в неподходящий момент, в результате чего большое количество туши оказалось под моим глазом. Я в очередной раз убедилась, что к своим двадцати шести годам так и не научилась краситься при том, что практиковалась в этом деле с двенадцати лет. Просто поразительно! Только я так могу! Также удивительно то, что я не так давно только нача-

ла замечать особенности своей внешности, которых раньше, как выяснила, просто вообще не видела! Оказывается, у меня уже давным-давно (возможно, с самого детства) разные глаза: они разной формы, левый меньше правого, а когда я улыбаюсь, почему-то наоборот правый становится меньше левого. Также я заметила, что они даже разного цвета: в правом глазу меньше зелёного пигмента, то есть он светлее, а это значит, что если смотреть только в него при ярком освещении, будет казаться, что у меня почти серые глаза, хотя это совсем не так, но некоторые люди думали именно так, и меня это, честно говоря, немного обижало (на самом деле не немного: мне в такие моменты хотелось возмущённо сказать людям: «Вы что не видите, какой у меня цвет глаз?!»)), поскольку мне нравится, что мои глаза именно зелёного цвета, но не серого. Я не люблю серые глаза. Для меня это никакие глаза, получается, они бесцветные; это неинтересно. Ещё у меня абсолютно разные брови, кривые зубы, кривая улыбка и... ресниц больше на левом глазу. Но как я недавно поняла, лучшая часть моего лица – правая, но фотографируюсь я почему-то всегда именно левой стороной, это моя рабочая сторона вопреки тому, что она по объективным причинам хуже правой, и в этом состоит парадокс. Поэтому мне нужно особое внимание уделять макияжу глаз, чтобы визуально увеличивать свой левый глаз и, по возможности, скрывать хоть какие-то свои несовершенства. Интересно то, что я начала замечать какие-то особенности своей внешне-

сти уже во взрослом возрасте, хотя они у меня были и раньше. Точно так же как и особенности характера и внутреннего мира, вообще всего, что находится внутри меня и что влияет на мои поступки и поведение в каких-то ситуациях. Я до сих пор изучаю себя, и хотя мне кажется, что я уже слишком хорошо знаю себя, каждый раз мне открывается что-то новое, часто мне самой интересно, как я поведу себя в тот или иной момент, как на что-то отреагирую, потому что я не могу знать точно абсолютно всё даже про саму себя. И мне нравятся подобные загадки. К тому же в нашей жизни много того, чего мы не имеем возможности узнать. Мы же живём не по сценарию какого-то приключенческого боевика или психологического триллера, где люди попадают в какие-то экстремальные ситуации, испытывают себя, борются за свою жизнь и жизни других, рискуют и так далее. У нас всех размеренная серая жизнь, в которой часто обычным эмоциям-то нет места, что уж говорить о каких-то экстренных событиях, которые если и случаются в жизни каждого, то крайне редко. Также и вопрос выбора всей нашей жизни встречается не так часто. Мы же не просыпаемся для того, чтобы спасти мир; нам бы тело своё поднять с кровати и привести себя в божеский вид для того, чтобы просто тупо отправиться на повседневную рутинную учёбу или работу, которая очень быстро нам надоедает до жути. И многим, как и мне, не нравится реальная жизнь, нам хочется жить именно в том мире, который нам показывают в кино, но, большин-

ство людей принимает действительность и живёт по её законам, а я активно всему этому сопротивляюсь в угоду своим желаниям. «Хочу» является для меня очень важным словом, и именно оно, кстати, мне и мешает по жизни.

Через примерно полтора часа с того момента, как я встала с кровати, я, наконец, вышла из дома. Обычно когда я выхожу из своей квартиры, мне не бывает холодно на улице даже в сильный мороз (но выходя из метро или из любого другого места мне моментально становится жутко холодно, и одежда в такие моменты вообще не ощущается на теле в плане того, что она никак не согревает), но на этот раз я замёрзла почти сразу, так как на улице был жуткий ветер и шёл небольшой дождь. Но это было не так плохо, поскольку было 10 градусов тепла, что после 30-ти градусного мороза этой зимой ощущалось почти как летняя жара. Мне очень хотелось снять ненавистную шапку, но потому как я не хотела открывать зонт, поняла, что мне будет намного легче остаться в шапке и не «париться». К тому же без шапки в такую погоду у меня могут замёрзнуть уши, пока я дойду до метро, а идти мне довольно долго. Можно доехать на автобусе, конечно, но ехать (без учёта времени на то, чтобы дойти до остановки и ожидания транспорта) будешь столько же, сколько идти, и это только в лучшем случае. А так можно и полчаса потратить на то, чтобы добраться до метро, стоя на всех светофорах (а их по пути туда очень много). Я не могу так по-тупому убивать время (к тому же, забыла упомянуть, за проезд

нужно будет заплатить немалые деньги, так как у меня нет проездного на наземные виды транспорта), поэтому у меня просто не остаётся никакого выхода кроме того, чтобы идти пешком, а эти «прогулки» (чаще всего по адскому холоду) порой дико бесят, несмотря на то, что я давно привыкла к этому ужасу.

Дождь стал заметно сильнее, и я не заметила, как моя куртка промокла почти насквозь, точно так же как и джинсы. Но шапка меня хоть как-то спасала, если так в принципе можно сказать. В этом, кстати, единственная прелесть весны – что можно ещё ходить в шапке и не открывать лишний раз зонт, который я ненавижу больше, чем шапку, хоть и пользуюсь им без преувеличения в сто раз реже. Да и места в моей и без того всегда тяжелой сумке для него нет. Но летом его всё же придётся носить с собой. Больше прелестей у весны (у ранней весны) я не вижу. Март – мой самый нелюбимый месяц в году, хотя за последнее время нелюбимыми стали абсолютно все, потому что климат этого города меня уже слишком достал. Но, тем не менее, в плане пейзажа хуже марта месяца нет, так как к привычной серости и слякоти добавляется ещё и чёрный как уголь снег. По последнему прогнозу на ближайшую неделю в погоде не ожидается никаких изменений: каждый день дождь. Меня это очень сильно расстраивает, особенно учитывая тот факт, что в этом году четыре с половиной месяца подряд вообще не было солнца! Небо было полностью закрыто более четырёх месяцев!

Мы вообще не видели солнца! Это в голове не укладывается. Сентябрь, как никогда, был жутко холодным и пасмурным, а зимой были побиты рекорды самой низкой температуры в городе за последние сколько-то лет. Пережила я выходы на улицу с большим трудом. Эта зима была чуть ли не самой тяжёлой в моей жизни. Поэтому когда ещё в этом месяце было 5 градусов мороза, для меня это было уже не так страшно после всего того, что мне довелось ощутить, когда я дико замерзала, но всё равно это было, мягко говоря, очень неприятно для меня. На самом деле я не знаю, как мы все здесь живём, учитывая, что климатические условия объективно слишком суровы, а количество осадков за год, по-моему, уже зашкаливает. Этот город заливают и заваливают снегом нереально часто. Влажность здесь в любое (!) время года составляет в среднем 89%, даже тогда, когда с неба ничего не сыпется. Поэтому пустыня, в которую я давно мечтаю попасть, кажется абсолютным раем.

Когда я дошла до метро, мне показалось, что с момента моего выхода из дома прошла целая вечность. Мне даже захотелось обратно домой, но я поняла, что, даже если я решу в тот же момент вернуться, мне предстоит вновь преодолеть этот трудный и долгий путь, и я решила это отсрочить. Зачастую дорога к метро даётся гораздо легче, так как преодолевается на энтузиазме и стремлении куда-то, домой же я почему-то так не стремлюсь, хоть и всегда очень хочу побыстрее там оказаться. Просто мой дом – моя крепость, как говорит-

ся. Хотя иногда меня очень расстраивает и достаёт то, что я всегда возвращаюсь в одно и то же место, причём гарантированно. Но в Москве это одно из лучших мест для меня, потому что там я могу побыть одна, и имею шикарную возможность наслаждаться полной свободой и делать всё, что захочу и когда хочу, жить в своё удовольствие, ни от кого не завися. Я так долго об этом мечтала... В какой-то момент я поняла, что для меня крайне важно хоть какое-то время в день находиться без кого-либо, абсолютно одной, чтобы хотя бы эмоционально отдохнуть. Я вообще устала от всего в этой жизни, но также я устала и от общения с людьми, потому что на это всегда уходили нереальные затраты, и, видимо, в какой-то момент я абсолютно иссякла. До сих пор я не могу сделать выбор между активным и частым общением с людьми и одиночеством... но то, что есть в моей жизни сейчас, меня вполне устраивает. Со многими людьми я контактирую посредством Интернета, и это для меня наиболее удобный способ общения, хоть я и поняла уже, что это лишь иллюзия общения и, несмотря на растущую с каждым днём популярность соцсетей, друзья в Интернете – это зачастую друзья только в виртуальной реальности, а есть ещё и действительность, реальная жизнь, и вот второе на самом деле гораздо важнее первого.

Когда я вошла в метро, я, почувствовав характерный запах при входе, попыталась как можно больше и чаще вдыхать его, чтобы успеть им насладиться. Запах – это единствен-

ное, что мне нравится в метро, причём только на моей станции и только в первые полторы минуты захода в вестибюль и спуска на платформу; при выходе я его уже не ощущаю. Что интересно, этот запах не меняется в течение десятилетий! И мне это нравится! В основном я не люблю перемены, потому что убеждена, что в большинстве своём они приводят только к худшему. Всё новое, как правило, хуже старого, хотя люди считают наоборот. Это не всегда так, но по большей части, к сожалению, происходит не так, как хотелось. Поэтому я с трудом по жизни принимаю что-то новое, потому что вижу, что жизнь в целом и в деталях становится с каждым годом хуже и хуже. Один регресс.

В переполненном вагоне я стояла как всегда у самых дверей. Я всегда там стою, чтобы было, к чему прислониться. Обычно я читаю, но в этот раз я, приходя в себя после дороги до метро, просто стояла и смотрела в чёрное окно, в котором можно было заметить только провода и лампы. Мне как всегда было жарко и душно, и я как всегда ничего не могла с этим сделать. Вот она – жизнь бедных людей во всей красе. Наверное, я привыкла к такой жизни, но только не так давно осознала, что живу в бедности во всех смыслах слова; я окончательно прозрела, открыла глаза на реальность, и это, конечно, привело меня в депрессивное состояние. Я полна апатии и бездействия, потому что у меня нереально серая жизнь, а я этого очень боялась с детства. Я не хотела так жить. Жить так, как все эти люди, с которыми я еду в мет-

ро каждый день. Что хорошего в этой жизни? Мы всегда, всю мою жизнь жили очень скромно. Очень. А я всегда хотела большего, мечтала о красивой жизни. Но она была невозможна. Мы жили с мамой в маленькой квартире её родителей, которые умерли незадолго до моего рождения. Мужчины в доме никогда не было. И мне казалось вполне нормальным, что у мамы нет мужчины, более того, я не хотела, чтобы он был, ведь тогда мне уделялось бы ещё меньше внимания и любви. С нами жила мамина сестра, у которой тоже не было ни мужчины, ни детей. Так что мужчины нам были просто недоступны. На отца, с которым я никогда не виделась и не общалась, я была обижена, потому что не понимала, как он мог бросить своего ребёнка. Только будучи в очень взрослом возрасте я поняла, что он бросил не меня, а мою маму. И только. Если мужчине не нужна женщина и он её не любит, он не может любить детей. В основном именно так, к сожалению, за редким исключением. Поэтому я только дочь своей мамы, но не его. Я ему не нужна. Больно, но с этим можно жить, если не думать об этом постоянно. Поэтому понятно, что по объективным причинам, денег на нормальную жизнь в достатке у нас не было, а я нуждалась во многом. Сейчас в Москве у каждого человека среднего достатка есть машина и дача, или загородный коттедж. А те, кто ездит только на общественном транспорте и не имеет никакой дополнительной недвижимости – люди с достатком ниже среднего, то есть бедные. Это глупо отрицать, и я

со временем научилась смотреть этой страшной правде прямо в глаза, хотя раньше я не считала, что живу в бедности, точнее просто отказывалась это признавать. Но пригласить в гости своих школьных подруг мне часто было стыдно, так как наша квартира была неприлично маленького размера. Я любила уходить в мир фантазий, чтобы не видеть суровой реальности, но это не могло длиться вечно...

Моя мама работает в семье очень богатого человека, бизнесмена, но живёт при этом в супермаленькой старой квартире и никогда в жизни не сможет себе позволить купить новую квартиру где-то, тем более в Москве. Она не может заработать таких денег, это невозможно, к огромному сожалению. Я вообще не смогу, и машины у меня не будет, и личного водителя, о котором я так мечтала всегда, тем более. Я творческий человек, который до сих пор совершенно не знает, как заработать деньги своим творчеством. Я всё жду, что вдруг появятся откуда-нибудь какие-то возможности, но они не появляются. Я выставялась несколько раз благодаря своей знакомой из института в галереях, продала пару-тройку своих не самых удачных работ, давала мастер-классы в художественных школах за очень небольшие деньги, и стабильного заработка у меня, как вы понимаете, нет. Я знаю, что давно сижу в яме, из которой трудно выкарабкаться, но пойти в экономисты или юристы для меня совсем не вариант. Не могу я согласиться на такое, хотя деньги очень и очень нужны. Мне тяжело, очень. И мотивации что-либо делать

нет, а это самое главное. Она давно пропала, с тех пор, как я увидела, какова реальность, и разрушились многие мои мечты. Пока я не знаю, что делать дальше, в каком направлении двигаться, как действовать. Я всегда хотела быть сильной, даже говорила ещё в детстве, что сильная женщина – красивая женщина, но быть сильной в реальной жизни оказалось очень непросто, и что важно, совсем некруто. Некруто потому, что никто восхищаться тобой не будет, а если и будет, что от этого? Ты никому не нужна. Всем на тебя плевать. Даже моя мама говорила, что мы по-настоящему нужны только (!) своим родным, своей семье, только самым близким. А я хотела всегда быть нужной всем.

Когда я вышла из метро, снег почему-то превратился в град, что является довольно редким явлением для нашего города, он всегда воспринимается как что-то особенное, о чём обязательно будут говорить. Хотя этот град обычно такой мелкий, что и не сразу понятно, что это сыпется с неба. Тучи рассеялись, и даже показался какой-то маленький кусочек того самого неба, вид которого мы уже все давно забыли. Я дошла до магазина, жадно вдыхая свежий воздух, который был для меня как никогда актуальным после 30-ти минутной поездки в душном поезде подземки. Да, я живу в районе, где нет даже магазина, в котором можно купить элементарно холст и краски. И это Москва! И мне приходится довольно часто преодолевать такой путь до магазина, а потом ещё с большим и часто тяжёлым холстом в руке ид-

ти по морозу и ехать так долго в метро с пересадкой. Я привыкла к этому, но если задуматься... по-моему, это всё абсолютно ненормально. Даже в нашей суровой действительности. Иногда мне кажется, что я дохожу до абсурда, проходя километры пешком под дождём, просто потому что у меня не оказалось денег на автобус или просто его невозможно было дожидаться. Ну а садиться в машину к незнакомым мужчинам, желающим меня подвезти поздно вечером или ночью, я не привыкла. Это не самые экстремальные ситуации, я понимаю, но, тем не менее, я знаю, что в наше время так мало кто живёт, хоть и сейчас непростые времена в экономике нашей страны... впрочем, как и всегда.

Холсты все вновь подорожали. А качество при этом, конечно же, стало хуже. И это не может не бесить меня. В итоге я, как обычно просмотрев все багеты и сравнив их по размеру, качеству и цене, взяла холст среднего размера за 610 рублей. Ещё я решила взять одну, как мне показалось, неплохую и нужную мне кисть за 109 рублей. На кассе я отдала ровно 5000, так как в тот день у меня в сумке была только одна купюра. Девушка как обычно спросила, нет ли у меня более мелких купюр, на что я, даже не став делать вид, что ищу что-то в сумке, твёрдо ответила «нет». Она сказала, что ей придётся идти за разменом так, будто она собирается улетать на остров в Индийском океане или идти в лучшем случае на Дальний Восток пешком. Я поняла, что эта история затянется надолго, к тому же кроме меня у кассы никого не было,

но всё же я пыталась не беситься и сохранять спокойствие. Я достала телефон, чтобы посмотреть, не звонил ли мне кто-то и не писал ли, хотя мне было и так понятно, что нет, как тут же мобильный завибрировал от звонка с незнакомого номера. Как правило, я никогда не отвечаю на звонки с неизвестных мне номеров, уже очень много лет, так как далеко не со всеми готова разговаривать, но тут, оценив ситуацию, я решила нажать на зелёную кнопку, чтобы, возможно, хоть как-то убить время.

– Камелия Романовна? Здравствуйте, – послышался в трубке звонкий, но немного противный женский голос. – Вы можете уделить нам несколько минут Вашего времени? Мы предлагаем удалённую работу в колл-центре нашего банка. Это так называемый «домашний офис»...

Да, меня зовут Камелия. И я всю свою жизнь, мягко говоря, не в восторге от своего имени. Во-первых, насколько я знаю, изначально Камелиями русское дворянство называло своих любовниц-содержанок, то есть Камелия – это как бы женщина для тела, но не для чувств. Такие ассоциации мне не очень приятны. Всё-таки я считаю, что значение имени должно быть каким-то красивым и благородным, наверное. Во-вторых, сокращённые варианты имени мне ужасно не нравятся; самые распространённые – это Кама и Лия; мне нравится вариант Лия, но большинство людей меня, конечно же, называют первым вариантом. Я так и не знаю точно, кто именно выбрал в итоге именно это имя – мама или

отец, но в любом случае не могу сказать, что я им благодарна за такой выбор. Уже много лет я собираюсь поменять имя, но всё никак не дойду до паспортного стола (или куда там надо идти?), чтобы заняться этим вопросом. Если честно, просто не хватает духа, скорее всего, на такие перемены, боюсь чего-то, но сама толком и не знаю, чего. Уже два паспорта сменила, а имя в нём так и осталось прежнее. Всё якобы времени не было на всякую возню с документами. Единственное, чему я рада, что не стала одной из миллионов Насть, Кать, Ань и Даш.

Я согласилась выслушать девушку из банка, чего на самом деле давно не делала. Она тараторила без остановки, я же не понимала и половину того, что она мне говорила, даже не вслушивалась, потому что мысленно была вроде как не там, но и сама не понимала, где.

– Вы сможете зарабатывать от 20 000 рублей в месяц, отвечая на звонки наших клиентов, находясь у себя дома. Вам только понадобится время, компьютер и тишина. Вам нужно будет зарегистрироваться на нашем сайте, я пришлю Вам ссылку, там Вы пройдёте обучение, затем тестовые задания, позже заполните анкету и в течение ближайших 3-х дней мы Вам перезвоним, после чего Вы сможете начать работать. Одно из главных преимуществ такой работы – гибкий график и при этом стабильный доход...

Я так и не успела спросить, откуда она знает моё имя, мой телефон и почему они вот так звонят и предлагают рабо-

ту... В наше время если тебе предлагают работу (пишут или звонят лично), значит в этом есть огромный подвох. Какой именно, я так до сих пор и не знаю, но мама не раз мне говорила, что такая работа – это не работа, а фигня, да и по логике можно понять, что хорошую работу тебе сам никто точно не предложит, да и плохую на самом деле тоже. Работа на дому через интернет кажется нереально прекрасной, но она мне всегда казалась чем-то крайне странным. Но поскольку мне очень нужны деньги (ну, может, не очень, но нужны), я даже готова была попробовать. Такая работа – это, конечно, совсем не интересно, но, по крайней мере, попробовав, я ничего не теряю. Мне же не сказали, что в это надо вкладывать свои деньги или обзванивать людей и рекламировать какую-то чушь, а это уже хорошо. Я честно сказала, что подумаю, ну и, если вдруг всё-таки надумаю, они об этом в скором времени узнают.

Обратно к метро я шла уже более бодрым шагом, видимо, неожиданный разговор по телефону как-то поднял мне настроение или пробудил во мне какую-то энергию, открытость миру и людям... Ведь я последнее время практически ни с кем не общаюсь. Не могу сказать, что меня это устраивает, но мне достаточно комфортно, так как я стала тратить намного меньше энергии и эмоциональных сил на общение с людьми, которое, по сути, мне не приносило абсолютно ничего. Я так хотела быть всем нужной и интересной, но в итоге так ничего подобного и не добилась. Сейчас я жи-

ву для себя, и мне это нравится. Я понимаю, что на самом деле это путь в никуда, но иначе пока не получается. Остановившись и расслабившись однажды, ты рискуешь застрять в этом состоянии надолго, если не навсегда. Со мной, походу, случилось именно это, но несмотря на то, что я это понимаю, у меня нет страстного желания резко это изменить. И «плюс» в этом только один – что я честна перед самой собой и понимаю, что происходит. Хотя, возможно, не до конца. Ужасает только то, что я сдалась. Перестала бороться за своё «место под солнцем» при том, что знала, что этого нельзя делать. Оправдания моим действиям нет, но, с другой стороны, я ни перед кем отчитываться и не должна, я свободный человек и имею полное право делать всё, что хочу.

На обратном пути я как обычно читала довольно скучную книгу, почти засыпая, поскольку мне повезло сесть в вагоне поезда. Через несколько минут после того, как я приземлилась, девушка, сидящая рядом, начала разговаривать по телефону. Я видела её только «краем глаза», но поняла, что это молодая девушка, брюнетка с прямыми волосами, в чёрной кожаной куртке и чёрных ботфортах, с люксовой миниатюрной сумкой, стоящей рядом. Она выглядела как обеспеченная девушка, которая всегда ездит на машине с водителем и встречается с сыном олигарха, поэтому я была удивлена самым фактом, что она спустилась в метро. Почему-то я сразу начала фантазировать на тему того, откуда и куда она едет в такое время, дальше мои мысли зашли о её доме, се-

мье и даже услуги. Обычно я не слушаю чужие разговоры, но тут я не могла не слышать то, что она говорила в трубку.

– Слушай, ну я ей позвонила, она должна прийти вот уже через десять минут где-то, она сказала мне, что недалеко от дома. Скажи мне, ты можешь сейчас войти в её комнату и вытереть стол и убрать с него всю грязь? – она говорила абсолютно спокойным, ничем не примечательным тоном. Я сразу начала думать, с кем же она разговаривает и кто и к кому должен прийти. Для меня было очень необычно то, что она говорит об этом, да ещё и в метро, где у большинства людей в тоннелях, как правило, почти нет связи. – Ну ты мне скажи, ты можешь это сделать сейчас или нет? Потому что если нет, то я ей сейчас позвоню и скажу, чтобы она не приходила.

В тот момент у меня уже начали округляться глаза, потому что я совсем перестала понимать, о чём она вообще говорит. В какой-то момент мне начало казаться, что мне это снится, потому что такое обычно могут говорить персонажи моих снов, но чтобы в реальной жизни говорили подобное, я встретила впервые. Я сидела и думала: «Что значит: можешь войти в комнату или нет? Что это за дом или квартира, где человек, живущий там, не может войти в какую-то комнату? Как это: „если не можешь вытереть со стола, то я скажу, чтобы не приходила“? Она же уже на подходе!» Я поняла, что, скорее всего, к её ребёнку должна прийти учительница и нужно навести порядок. Мне стало немного смешно, пото-

му что я сразу начала вспоминать, как моя мама говорила мне по телефону, чтобы я всё убрала со стола и с пианино, на котором я играла в детстве, перед приходом учителей ко мне домой. В какой-то момент её разговор прервался, но она сразу же перезвонила и продолжила говорить со своим, как мне показалось, мужчиной на ту же тему, только уже в более расширенном варианте.

– Ты так и не протёр стол на кухне? Я специально неделю не вытирала тот стол, ждала всё, когда у тебя совесть проснётся. Но вижу, что так и не проснулась, – она говорила совершенно спокойно, ровным тоном, без какого-либо «наезда», просто с неким равнодушием констатировала факт. – Ты пролил тот апельсиновый сок и даже не вытер ничего за собой. На кухне вообще ничего не убрано. Я специально ничего не убирала, ждала, что ты хотя бы скажешь мне что-то, хотя бы подумаешь об этом, вспомнишь. Я всю неделю ждала от тебя этого разговора или хотя бы каких-то шагов или действий...

Я сидела, и внутри меня разгорались разные эмоции, но в основном это были смех и удивление. Я впервые за долгое время была слегка поражена происходящим и пыталась понять, о чём вообще говорит человек, сидящий рядом со мной. Первое, что меня удивляло, это то, что молодая красивая и очень ухоженная девушка говорит о том, о чём, на мой взгляд, обычно говорят домработницы или женщины среднего возраста своим детям. Второе, то, что она гово-

рит об этом, находясь в метро. Обычно, на такие темы если и говорят по телефону, то уж точно не в общественном месте, тем более в шумном тоннеле метро. Ну и третье, что она говорит на эту тему так, будто это проблема вселенского масштаба, которая точно может разрушить их отношения. Для меня это удивительно, так как, по мне, это такие мелочи, о которых и говорить-то не стоит, тем более в таких условиях и так долго. Тем временем она уже позвонила своему ребёнку и начала разговаривать с ним, а точнее с ней, на тему скорого прихода учительницы. Я на секунду задумалась о том, что у неё видимо какой-то супертелефон, что он «ловит» связь на любой глубине под землёй, но тут же переключилась на её слова, поскольку уже не могла не слушать то, что она говорит.

– Сейчас она должна прийти уже. Надень хотя бы колготки. Хорошо? Ты можешь их сейчас надеть? – В этот момент я подумала, что её дитё ходит по дому в одних трусах, и тут я начала представлять, что вообще творится у них дома. – И кофту чистую надень. Ты это можешь сделать? Найди ту, на которой нет больших пятен. – Я уже с трудом сдерживала смех. Впервые в жизни я стала свидетелем такого абсурдного разговора в общественном транспорте. Она ещё говорила так, будто ей никто по ту сторону не отвечал. Пауз по сути не было. А я спокойно слушала каждое её слово и анализировала ситуацию в их семье, рисуя себе самые разнообразные и увлекательные картины их жизни в быту, смотря тем вре-

менем в книгу и вроде как читая какой-то текст. Поговорив с дочерью, она сразу же вновь перезвонила своему мужчине.

— Она ещё не пришла? Сейчас она уже должна позвонить в дверь, — я уже с нетерпением ждала, когда же она придёт; казалось, что она шла к ним целую вечность. — Ты видел, там в кабинете твоём липкий стол? Там всё липкое! Потому что был разлит сок, потом виски, потом вы ещё вино пили с ребятами в пятницу, там всё было мокрое. Я специально ничего не делала, я думала, что всё-таки ты сам как-то соберёшься и в какой-то момент возьмёшь тряпку и хотя бы протрёшь всё там. На полу, ты видел, там просыпана крупа была, так никто и не убрал ничего. А прошло уже больше недели.

Сначала мне этот разговор казался прикольным, но потом я просто уже начинала понимать, что попала в какой-то бредовый фильм, в котором найти логику и смысл просто невозможно. Почему у них дома всё разливается и ничего не убирается неделями?! Почему она ничего сама не делает, но ему об этом столько времени говорит?! В каком мире она вообще живёт, о чём думает, какие у неё ценности в жизни, чем она по жизни занимается..? Вопросов была куча! Я не могла поверить, что это реальный разговор в действительности! Она живёт в откровенном свинарнике и антисанитарии и почему-то говорит об этом по телефону, находясь в метро! Это меня поражало. Такого я ещё не видела и не слышала в дороге, да и, что уж скрывать, в жизни. Выходя из вагона, я посмотрела на неё: она была в наушниках,

поэтому я и не замечала, как она перезванивает то одному, то другому. Идя домой, первое время я думала о том, как живу я: что я практически вообще не убираюсь в своей квартире, редко стираю бельё и одежду (только когда скапливается уже стопка, падающая от любого прикосновения), что мою посуду только тогда, когда её уже некуда складывать... Да, я совсем не хозяйственная. Как-то неинтересно мне заниматься всем этим, да и, честно говоря, зачастую просто лень. В детстве и юности за меня всё всегда делала мама... вообще всё! Поэтому я сильно привыкла к этим «тепличным» условиям. Да и к самостоятельности в быту и по жизни никогда особо не стремилась, но, дорвавшись до свободы, вздохнула полной грудью и поняла, что теперь начинается жизнь в кайф, ведь я наконец-то вырвалась из-под контроля и могу делать абсолютно всё, что хочу, и в любое время, что важно. Могу всю ночь рисовать, слушать музыку или смотреть кино с чипсами и пивом в руках... Я долгие годы мечтала об этом! Недавно, кстати, читала в одной книге про то, как мужчины любят вот эту свободу, как хотят быть независимыми, ни за что не отвечать, жить в кайф, ни под кого не подстраиваясь, а женщинам наоборот необходимо о ком-то заботиться, оберегать, они никогда не выберут одиночество... Видимо, во мне больше мужского, потому что я всю жизнь мечтала о свободе и независимости, и, если честно, никогда не понимала тех женщин, которые готовят своим мужчинам каждый день еду, стирают их одежду, убирают и делают за них и для

них абсолютно всё. Кстати именно такие женщины, которых большинство, и сделали из мужчин тех, кем они практически все и являются. Эгоистами и «тряпками», которые ни за что не хотят брать ответственность. Нет, я не ненавижу мужиков, просто знаю, что, к огромному сожалению, таких слишком много. И очень не хочу, чтобы в моей жизни появился именно такой мужчина. Я вообще не хочу, чтобы в моей жизни появился мужчина. Хоть и с раннего-пре раннего детства только об этом и мечтала. Но уже давно все мечты в прошлом. Страх ошибки, боли и зависимости куда сильнее желания обрести своё «женское счастье». Для меня любая связь с противоположным полом – это риск, причём огромный. Я не хочу рисковать так, как все. И не понимаю всех. Выходят замуж, рожают детей, а потом рыдают и мучаются всю жизнь. И всё только на себе несут по жизни. «Мужики в юбках». Я не хочу стать одной из тех миллионов несчастнейших женщин в нашей стране. Поэтому потерплю. Для меня боль потери намного страшнее одиночества, хоть и слышана, что практически все больше всего в жизни боятся одиночества. Больше смерти. Им неважно, с кем быть, главное не одним. А я не хочу терпеть рядом с собой «мешок с дерьмом» только, чтобы не говорили: «старая дева». Плевать мне на то, кто там что скажет. Это моя жизнь и мой выбор.

Пока я дошла до дома, мне показалось, что прошла вечность. Рук я почти не чувствовала, так как несла в руках сумку, пакет и холст. Холст был в руке как обычно, потому что

в художественных магазинах почему-то никогда не дают пакеты для багетов. И меня это каждый раз абсолютно искренне поражает! И это самое ужасное в моей работе, самая трудная часть – нести холст в руках всю дорогу на протяжении как минимум часа. В голове не укладывается. Ну и порой приходится ещё и самой везти картину заказчику. И это было бы ещё не так страшно, если бы не климат с вечным холодом и дождями... Меня это всё очень бесит; поэтому когда я прихожу домой, я ещё полчаса обычно просто сижу и прихожу в себя. Я сижу и медленно дышу, стараясь как можно скорее забыть все ужасы дороги, а их всегда немало.

В тот вечер я умудрилась приготовить себе на ужин вкусное ризотто с грибами, которое заела купленным ранее пирожным, что для меня вообще-то большая редкость, после чего уже ближе к полуночи принялась за работу. Цветы я рисовать, откровенно говоря, не люблю, но, погружаясь постепенно в процесс, мне это становится интересным, хотя я искренне считаю, что рисовать обычные цветы в наше время – это уже какая-то банальщина. Когда я встала с рабочего места за водой, на полпути на кухню я услышала звонок мобильного. Вновь звонила мама. Я не хотела поднимать трубку, но в один момент поняла, что надо ответить, хоть ничего интересного я услышать и не ожидала.

– Доченька, привет! – мама редко обращается ко мне так; в этом я часто слышу какую-то наигранность. – У меня для тебя плохие новости. – После этих слов у меня всегда в пря-

мом смысле слова замирало сердце. Мама нечасто говорила эту фразу, но я всегда боялась её до смерти с раннего детства. Зачастую это было связано с тем, что она не приедет домой. Да, тогда в детстве, для меня это было смертельно страшно, ведь мне предстояло остаться совершенно одной в квартире на всю ночь, всё сделать самой и быть абсолютно одной. Тогда я места себе не находила, плакала и страдала, ведь из всех существующих развлечений был только лишь телевизор, по которому в основном показывали новости, криминальные фильмы, документальные или политические дебаты, в крайнем случае грустные мелодрамы. Ещё страшной новостью было то, что срыгается поездка на море, которую я ждала целый год... На этот раз плохая новость была совсем другая.

– Вадим умер.

Я поняла, что не чувствую ни земли под ногами, ни самих ног, но почему-то всё ещё стою. Через несколько секунд я начала медленно опускаться вниз. Пауза затянулась, но я не могла вымолвить ни слова. Через некоторое время я выдавила:

– Когда?

– Вчера ночью. Говорят, сердечный приступ. Его чудом нашли в квартире, кто-то вызвал милицию. Вот так... А ты когда с ним последний раз переписывалась?

– Два дня назад.

– Понятно. Похороны послезавтра. Рано утром надо будет

приехать в морг... Если хочешь, можем поехать вместе.

Вадим – это мой дядя, двоюродный брат мамы. Много лет назад он ушёл из нашей жизни, просто пропал, перестал общаться. У него были свои психологические проблемы, он бросил семью, детей, начал пить, непонятно, как и на что жил... А потом написал мне в интернете. Я долго не отвечала, а потом написала письмо с жёстким ответом. Очень долго не хотела общаться с человеком, который просто бросил меня, наплевал. Но он оказался очень настойчивым, и я в какой-то момент начала ему отвечать. Мы несколько раз разговаривали по телефону, а как-то раз он даже приехал ко мне, чтобы увидеться и пообщаться так, как много лет назад. Он тоже был художником, работал в театре сценографом, всегда восхищался моими работами, неоднократно писал мне и говорил, что я очень талантлива и необычна, что мне надо обязательно раскрывать свою индивидуальность, что меня ждёт большое будущее... Он понимал меня, видел во мне интересную и яркую личность. Я старалась не воспринимать эти слова слишком серьёзно и буквально, но в последнее время часто присылала ему свои работы и ждала ответа с его мнением. Наша переписка закончилась странно, но, к счастью, ни одно моё сообщение не осталось без ответа. Я делилась с ним своими мыслями и жизненными проблемами, писала об отце, которого он лично знал... Пыталась через него узнать хоть какую-то правду про историю моих родителей. Я искала в нём поддержку и находила её. Поверить в то, что

его больше нет, я долго не могла. Но старалась как можно быстрее забыть его и всё, связанное с ним. Ни в коем случае не заходить на тот сайт и не читать переписку. И мне это удалось, хоть и было нелегко. В ту ночь я вообще не спала, заснула только к вечеру следующего дня, причём правильнее сказать «вырубилась». Через некоторое время я поняла, что потеряла одного из немногих людей в моей жизни, который поддерживал меня как никто и... любил. А мне не было больно. И я не плакала на его могиле. Потому что я его не любила. Совсем. Просто так вышло. Мне было всё так же пусто. Видимо, я привыкла к этому ощущению. А вот боль... я не выношу. Поэтому изо всех сил стараюсь ни в коем случае не рисковать, не сближаться ни с кем, не впускать вообще никого в своё сердце, чтобы потом не было дико больно. Достаточно того, что в нём уже живёт навсегда один человек. Главный человек в моей жизни. Мама. Я не боюсь смерти. Я боюсь только одного – однажды потерять своё сердце, свой самый главный орган, в котором навеки живёт моё Всё.

Мой организм проснулся от звонка в дверь. Звонили практически без остановки так, будто либо случился пожар, либо соседей убивают, либо террористы захватили весь дом. На часах было 8:30 утра. Я в полном шоке и дикой ярости пошла к двери. Посмотрев в «глазок», я никого не увидела, но, тем не менее, открыла дверь, чего обычно никогда не делаю в подобных случаях, когда никого не жду. На лестнице я

увидела двух мужиков так сказать азиатской внешности, которые ставили какие-то стремянки в подъезде.

– Это вы звонили в эту дверь?

– Да, мы.

Я хотела на них наорать так, что мало им бы точно не показалось, но решила себя сдержать и просто сказала обычным тоном:

– Вообще-то это частная территория, и звонить в такое время в дверь, тем более так настойчиво, нельзя! – и захлопнула дверь. Мне было абсолютно неинтересно, зачем они звонили, тем более и так было понятно, что они хотели попросить воду, или какие-нибудь тряпки, или ещё что-то, чего у них не было с собой, чтобы начать очередной рабочий день по ремонту в нашем подъезде, который, между прочим, в этом ремонте совсем не нуждался. Я расцениваю любые неожиданные звонки в дверь незнакомых людей или даже соседей как высшую степень наглости, так как это вторжение в собственный дом человека, и делать это можно только в экстренных случаях или же если хозяин квартиры кого-то ждёт. Другие случаи я просто не понимаю. Когда-то после того, как меня систематично доставали соседи, звонившие в мою дверь в 7—8 утра, а иногда бывало и в 6 (чтобы, к примеру, попросить денег на «опохмелиться»!), я написала плакат с просьбой не звонить в мою квартиру раньше 13:30, но, когда мама приехала и увидела это, она закатила такой скандал, что я через какое-то время, несмотря на своё упрямство,

сняла плакат, утешая себя мыслью, что все соседи всё прочитали и запомнили.

Долгое время после этого я не могла заснуть, всё думала о том, как всё-таки неприятно мне жить в мире с такими людьми, у которых свои понятия, а, точнее, как я вижу, их отсутствие. От нечего делать зашла в интернет. Мне редко кто-то пишет, поэтому я и не надеялась увидеть новые сообщения, но в одной соцсети обнаружила сообщение от своего бывшего однокурсника Макса с приглашением на концерт одной рок-группы. Наши «отношения» с Максом можно назвать странными, а по существу, никакими. Он всегда был инициатором общения, писал мне с большими перерывами, интересовался моей жизнью, но дальше мимолётных разговоров у нас дело никогда не заходило. Он хотел открыть свою художественную школу, и я с радостью готова была там преподавать, но после нескольких разговоров об этом, потом речь уже про это не заходила. Он увлёкся бизнесом, стал ходить на какие-то мастер-классы, конференции, курсы, и я поняла, что он отходит от наших «творческих» дел. Станным было то, что он мог писать мне, интересоваться моей жизнью, говорить о желании встретиться, а потом пропадал на долгое время. Но я спокойно относилась к этому, поскольку меня к нему никогда не тянуло ни как к человеку, ни как к мужчине, к счастью. К огромному сожалению, я завишу от общения с кем-то, поэтому стараюсь себя абстрагировать, отвлекаться на другие дела, пытаюсь чувствовать

себя независимой, только чтобы не ждать, что мне кто-то напишет или ответит. Это ужасная зависимость. Особенно когда очень многие люди зачастую не отвечают и тупо игнорируют мои сообщения. Поэтому я ответила ему, что, возможно, смогу сходить, и сразу же вышла оттуда, зная, что если останусь, буду ждать ответа. Я даже и не думала о том, чтобы пойти с ним на какой-то там концерт, потому что мне уже всё это неинтересно. Я успокоилась. Точнее успокоила себя. Смирилась с тем, что ничего интересного в моей жизни уже не будет и... вообще ничего не будет. Никаких перспектив, никакого будущего. Гордое одиночество в самом прямом смысле. Я давно поняла, что моя негативная энергетика никого не привлекает, а только отпугивает, особенно мужчин, поэтому решила для себя, что всё это к лучшему и что мне вообще не надо искать себе мужчину. Надоело страдать. А любые отношения с женщиной обречены на страдания и боль. Я не хочу. Мне это не надо. К тому же менять себя ради мужчины я не буду. А чтобы встретить приличного мужика, надо много работать над собой и кардинально измениться как внешне, так и внутренне. А у меня такого желания нет. Не знаю даже, почему. Я давно уже не слежу за собой так, как раньше, когда ещё жила нормально, когда училась в университете, когда хотела нравиться людям... Я почти не крашусь, не делаю нормальные причёски, одеваюсь как попало... Не для кого ведь наряжаться... Хотя бы пытаться это делать. Нет поводов. Кстати и красивых бро-

сают, и им причиняют боль. Так что зачем? И мне нравится такая спокойная, размеренная жизнь. Мне очень нравится независимость. Живу в кайф. Хотя если спросить меня: «В чём кайф?», я вряд ли отвечу. Главный кайф в том, что мне не надо вставать рано утром по будильнику и бежать на работу. Это кайф. А в чём ещё... даже не знаю. Я лишь радуюсь возможности заниматься любимым делом, которое приносит мне и удовольствие, и удовлетворение.

В тот день ближе к вечеру мне пришлось отвезить самой заказ, причём в дальние дали, как я говорю. Мало того, что мне до своей станции метро пилить чёрт знает сколько, в метро надо было провести почти 50 минут, так ещё и потом ехать от метро на маршрутке! «Повезло», как обычно. Но это было ещё полбеды. Мы долго стояли в пробке, почти час, после чего начали двигаться быстрее, но на одной из остановок, проезжавшая рядом «Газель» задела нашу машину (и, кстати, спокойно продолжила двигаться вперёд, скрывшись с места преступления). Естественно, водитель вышел, начал фотографировать маршрутку со всех сторон при том, что видимых повреждений не было. Народ сразу же выскочил из салона, а я некоторое время сидела в надежде на то, что мы всё-таки вскоре поедem. Но «чуда» не произошло. Мне пришлось выйти и пойти пешком. Под дождём! С картиной в руках! Я как всегда старалась не принимать близко к сердцу ситуацию, старалась думать о чём-то хорошем или интересном, но спустя примерно 15 минут такой «прогулки» всё-

таки почувствовала себя нереально несчастной и невезучей. Ко всему этому невозможно привыкнуть! Невозможно всю жизнь терпеть! И жить в дискомфорте! Хотя... кого я обманываю? Я живу так всю свою жизнь. Значит, возможно. Зачем мечтать о чём-то прекрасном, если это абсолютно нереально? Зачем мучить себя? Зачем мечтать о жизни в тёплом и красивом месте, где мало людей, машин и нет метро? Надо просто принять свою судьбу и успокоиться. И осознать, что большего и лучшего я просто не заслужила. Всё справедливо. А для меня главное в жизни – справедливость. Я верю в неё. Ничего просто так не бывает и никому не везёт просто так. Если кому-то «повезло», значит, он это везение заслужил. Просто не всегда всё очевидно, и мы многого можем не знать.

Обратно я так же долго ехала по пробкам, потратив на дорогу только домой больше 2-х часов. Не представляю, как люди ездят так каждый день. На что они тратят свою жизнь! Причём что меня больше всего удивляет, что они в большинстве своём вообще ничего не делают, сидя в вагоне метро или в маршрутке. Они просто сидят и всё! Как роботы! Я этого не понимаю! На что они тратят столько времени в жизни? Я могу убить кучу времени, лёжа на диване дома в комфорте и тепле или сидя в интернете, но никак не в дороге! Я не могу тупо сидеть полчаса в транспорте и вообще ничего не делать! Не читать, не слушать музыку, к примеру... Так что я не понимаю людей даже в самых обычных житей-

ских проявлениях. Видимо, люди действительно по-другому мыслят и по-другому живут. Ложатся спать в 10 или 11 вечера (как им это удаётся вообще?!), встают ни свет ни заря, умудряются не опаздывать на работу, да ещё и приходиться в идеальном внешнем виде туда с утра... Как могут по 10—12 часов сидеть на одном месте в офисе и заниматься какими-то документами..? Для меня это всё загадка. Я никогда этого не понимала и никогда не хотела такой жизни. Я знала, что не буду работать в офисе и, упаси Боже, жить и работать как все. Я знала, что у меня будет всё по-другому, потому что я другая. Только вот обособление от так называемого общества, по сути, ничего хорошего мне не принесло. Я стала ещё больше не удовлетворена своей жизнью, «огонь» внутри погас, а вместо него огромное количество разочарований. К тому же навыки коммуникации окончательно потеряны. Отгородиться от всех получилось. Это без проблем. Только вот как снова войти в социум?.. Вот это уже проблематично. А я ведь мечтала, что в моём возрасте у меня уже будут персональные выставки, я буду известна как минимум в привилегированных кругах, буду посещать светские мероприятия, общаться с влиятельными людьми в светской элите, моими работами будут восхищаться и мечтать заказать у меня картины за огромные деньги, между прочим. А, исходя из этого, у меня не будет проблем ни с финансами, ни с общением, я буду ездить на своей машине, буду часто летать в прекрасные края на море и наслаждаться каждым прожитым днём, пото-

му что каждый день будет чудесен и неповторим, что важно. Но ничего этого не случилось, потому что я в какой-то момент сдалась, поняла, что те трудности, с которыми я столкнулась, мне не по силам. Скорее всего, это просто я так решила. Выбрала быть слабой. Не знаю, почему. Не понимаю. Испугалась реальных трудностей, наверное. Не думала, честно говоря, что так будет, но... жизнь жестока. И сама жизнь, и мы в ней. Порой она подбрасывает такие вещи, которых мы не ожидаем, и тогда мы приходим в ступор. И вот кто находит в себе силы и умения выйти из него, тот идёт дальше и добивается успеха. Но для этого надо преодолеть «черту», важно не застрять на ней. А я... застряла именно на ней. Поэтому и сижу в «болоте», пытаюсь наслаждаться «днём сурка», который я же сама себе устроила. Мама говорила часто: «Нет судьбы – мы сами кузнецы своего счастья». Я не захотела быть «кузнецом». Не захотела быть и «роботом». Я, видимо, захотела стать «амёбой», тупо плывущей по течению в неизвестность, не думая о том, что ждёт за поворотом.

Приехала домой, поняла, что дико устала. Причём это невероятное ощущение дичайшей усталости у меня присутствует постоянно! У меня нет сил ни на что! И давно нет сил жить. Я просто не понимаю, для чего... И моральная усталость очень сильно влияет на физическое состояние, когда всё время хочется спать. Я бы, наверное, так и спала бы по 20 часов в сутки... Никак не могу отоспаться... А ведь когда-то я ездила полтора часа только в институт с тремя пе-

ресадками на транспорте, по 30 минут минимум шла пешком только в одну сторону, более того, отсидев 7 часов в институте, а то и больше, умудрялась съездить ещё в одно-два места, сделать какие-то дела... спала по 5, максимум 6 часов и не чувствовала такой усталости. Потому что жила. Хотя порой было очень тяжело. Я и просыпала занятия, и просто не приезжала, но всё равно сильно никогда не расслаблялась, всё равно была система, «замкнутый круг», из которого выбраться было абсолютно невозможно. А потом закончилась учёба, и началась долгожданная свобода. А вместе с ней и бессмысленное существование. И никаких надежд уже давно не осталось. Просто время летит и летит. И продолжает сводить меня с ума. Я с ним уже не борюсь, потому что как только начинаю попытки, сразу же терплю огромное фиаско и схожу с ума. Время – мой самый злейший враг. Мне никогда не удавалось его победить. И не удастся, знаю точно. Перестала бороться. И перестала понимать, что происходит. Я уже давно не знаю, какое число, какой день недели... И не хочу знать. Живу одним днём. Так лучше. Да, опустила руки. Приняла позицию жертвы, хотя она мне никогда не нравилась. Но почему-то я выбрала эту роль. Не понимаю, почему и зачем. Ведь никто не поможет. Всем плевать. Выбираться надо самому. Или не выбираться. Но до тебя никому нет никакого дела. А я всегда хотела, чтобы было иначе...

Просидев с телефоном в руках на диване больше двух часов, я, наконец, заставила себя поднять своё тело и переме-

ститесь на несколько сантиметров, чтобы начать делать новую работу. Почему-то в этом я вижу смысл – писать картины. И дело не в деньгах, которые мне это иногда приносит. Ответ прост: мне нравится этим заниматься. Вот и всё. А я по жизни предпочитаю заниматься тем, что мне доставляет удовольствие. «Я выбираю жить в кайф»¹. Я выбрала на этот раз изображение красивейшего собора в византийском стиле. Мне нечасто доводилось рисовать подобные архитектурные сооружения, но я верила в то, что у меня получится. Делая эскиз на холсте, который мне был необходим перед тем, как начать работать красками, я неточно изобразила купол и фасад, и мне пришлось стирать практически всё и начинать заново, а это чуть ли не самое ужасное, что может случиться в ходе работы, потому что линии карандаша до конца не стираются, и краска не всегда может закрасить эти линии, к тому стирать на холсте почти нельзя, поскольку его качество от этого страдает. Я долго сражалась со своей бездарностью, но в итоге не смогла исправить нарисованное мной уродство и поняла, что сейчас уже нет сил продолжать работать. У меня такое часто бывает, к сожалению, поэтому мне трудно доводить всё до конца. Любые дела и работы. Раньше я злилась на себя из-за этого жутко, а теперь уже привыкла. Не заставляю себя, потому что знаю, что выше головы всё равно не прыгну, зато изведу себя изрядно. Так зачем же мучиться? Мне незачем. Я отложила краски, оставила ки-

¹ Хит белорусского певца Макса Коржа

сти в воде, чего нельзя делать, и пошла на кухню в поисках хоть какой-то еды. Несмотря на то, что я давно убедила себя в том, что не боюсь темноты, а наоборот люблю её, на этот раз крошечная тьма показалась мне пугающей, и я поспешила включить свет. Не успев сделать пары шагов, я почувствовала, как под правой ногой что-то хрустнуло. Я увидела огромное (для меня) чёрное пятно. Первым делом подумала, что это таракан. Я нервно сглотнула и посмотрела вперёд. Я считаю, что у меня фобия к насекомым. Ничего и никого я не боюсь так, как летающих и ползающих. Я ненавижу жизнь за то, что в ней есть эти мерзкие, уродливые и абсолютно, на мой взгляд, бесполезные организмы. Возможно, я придумала себе эту фобию, но если я вдруг вижу изображение какого-то насекомого, даже нарисованного, не говоря про фотографию, мне сразу становится плохо, мгновенно начинается истерика, нервное состояние, а если я замечаю даже маленькое, крошечное насекомое на своей руке, к примеру, я сразу же его сгоняю, стараясь не смотреть на него, у меня тут же начинается паника. Ос, пчёл, стрекоз и даже комаров я не боюсь так, как остальных насекомых. Наверное, потому, что этих я знаю, а других нет. Однажды на меня упал огромный усатый жук; к счастью, мой друг, который находился рядом, сразу же убрал его, но я ещё долго бежала к маме (бежала как никогда быстро), которая находилась недалеко, и кричала. И до конца дня не могла отойти от этого момента и потом ещё долго вспоминала о произошедшем

ужасе. Так что рисовать насекомых я никогда в жизни не решусь. Когда я жила с мамой, нередко у нас в квартире появлялись различные насекомые, так как на первом этаже старого дома такое, к сожалению, вполне возможно, и я всегда убегала, когда видела какое-то насекомое, а мама его ловила и потом спускала в унитаз, а я, тем временем, сидела где-то в углу или на спинке дивана, съёжившись, и ещё какое-то время после боялась выйти. В ванной нередко видела пауков... Бывает, что на улице в летнее время на губы, покрашенные блеском, попадают мелкие мошки, и это ужасно неприятно, или случайно замечаю, как на руке остался след от размазанного мной ненароком малюсенького жучка. Я не могу убить даже муравья! Не могу убить ни муху, ни комара, ни дождевого червя ногой! Ну вот не могу! Под страхом смерти не смогу никогда этого сделать! Они ведь живые! Я не могу так! И ненавижу прежде всего жизнь за то, что они живут среди нас, что люди их убивают, случайно или специально, неважно... Это всё так ужасно! Но на этот раз ситуация была намного страшнее. Ведь я никогда не убивала ни одно насекомое таким образом и не выбрасывала его! Я не знала, как быть. Сначала мне надо было прийти в себя от шока, что я его убила. После этого в моей голове появились мысли о том, что как хорошо, что я была в тапках, потому что, если бы я была в одних носках или вообще, не дай Бог, босиком, даже представить страшно, что со мной было бы, и как хорошо, что я перед тем, как пойти на кухню,

сняла очки и не смогла увидеть его отчётливо. Но после этого мне предстояло решиться на определённый шаг. Выбора у меня не было. Я ушла в комнату, села на диван и начала нервно рыдать. Так, когда сначала идёт истерика, а потом уже слёзы. Я не думала ни о чём, мне просто было безумно плохо, и я не понимала, как выходить из этой идиотской ситуации. Вроде со стороны может показаться, что это такая ерунда, но я понимала, что не могу. Просто не могу это сделать, мне безумно трудно решиться и преодолеть свой страх. Такой глупый, но очень сильный страх. Мне надо было просто сделать это. Как угодно, но сделать. Но я представить себе не могла, как я это сделаю. Ведь я буду в любом случае его видеть и чувствовать, пускай даже несколько секунд. «Ну почему он не пробежал на пару секунд раньше?» – думала я. Но мыслями здесь точно делу было не помочь. Я сидела в нервном припадке и поняла, что вот и настал момент, когда моя свобода показала мне самую жуткую свою сторону. Мне надо сделать САМОЙ, и НИКТО за меня это не сделает. И это не выбор, не шаг вперёд или что-то в этом роде, это просто обычная, можно сказать, бытовая ситуация, с которой каждый хоть однажды, я уверена, сталкивался. Но я не адаптирована к такой вот жизни. Совсем немного успокоившись, я взяла в комнате кусок самой толстой бумаги, который у меня был, и пошла на кухню. Конечно, я старалась совсем не смотреть на него, но он был настолько большим, что я, только заметив его, снова начала истерить. В этом состоя-

нии я чудом взяла его и на вытянутой руке быстро донесла его до урны и бросила. После этого я ещё некоторое время сидела на кухне и плакала, не в состоянии мгновенно прийти в себя. Конечно, мне уже было не до еды и вообще не до чего, но через некоторое время я вновь пришла на кухню попить чай, обходя то место и стараясь туда не смотреть и не наступать. Полы я мою редко, прежде всего потому что боюсь обнаружить в углах каких-то жуков, пауков и прочих неприятных мне жителей нашей планеты. Иногда мама, когда приезжает, моет пол на кухне, она не может смотреть на то, как я «зарастаю» грязью.

Ещё два с лишним часа пролетели у меня за компьютером. Вместо того, чтобы рисовать или пытаться найти хоть какую-то подработку, я сидела и развлекалась, переписываясь с так называемой подругой и параллельно успевая смотреть фильм с моим любимым Джейсоном Судейкисом² в главной роли. Моя «подруга» Ната как обычно звала меня посидеть в кафе, после чего поехать к ней и познакомиться с «крутыми» ребятами из «звёздной» тусовки. Она присоединилась к нашей группе на 3-м курсе (была переведена из другой подгруппы с факультета искусств), и мы сразу же сдружились, точнее она прилипла ко мне так, как никто в жизни не прилипал, после того, как я сказала, что ей очень идут свитера с V-образным вырезом (так как у неё очень «пыш-

² Американский актёр, комик, известный по американскому телешоу «Субботним вечером в прямом эфире».

ная» грудь). После этого мы каждый день на протяжении нескольких лет находились бок о бок друг к другу, всё делали вместе и вообще были неразлучны, хотя лично меня с ней не связывало вообще ничего, более того, с ней невыносимо было общаться, поскольку у неё слишком тяжёлый характер, и нужно иметь огромное терпение, чтобы выдерживать её порой слишком частые эмоциональные порывы и истерики, начинающиеся внезапно и на пустом месте. После общения с ней я понимала, что есть люди, с которыми ещё тяжелее, чем со мной и что, оказывается, у меня много терпения, хотя я думала, что его в принципе нет. Но она общается с некоторыми людьми из шоу-бизнеса, так как работает со продюсером (кто это и какие функции она выполняет, я не знаю), дружит с влиятельными людьми, часто ездит на острова и, видимо, имеет большие деньги, но я понятия не имею, откуда они у неё и кто её спонсирует. Она постоянно пишет мне, зовёт куда-то, а я каждый раз ей отказываю, никак не решаясь написать: «Что тебе от меня надо? Зачем ты мне пишешь? Мне неинтересно с тобой общаться!» Другая бы на моём месте уже сто раз воспользовалась бы такой «дружбой», тем более мне это необходимо, но я не могу терпеть рядом с собой неприятного и неинтересного мне человека, который раздражает и с которым откровенно не о чем говорить, ради того, чтобы с кем-то там познакомиться. К тому же я совершенно не умею общаться и заводить связи. Все нужные и в перспективе полезные связи я давно оборвала.

Но вот зачем и почему она мне пишет – это просто загадка! Поразительно! Мне пишут исключительно те люди, которые мне ну совсем не нужны и неинтересны! Я им нужна! В основном ненормальным и странным людям! А те, кто был нужен... Ох... Это на самом деле болезненная тема. Мне уже никто не нужен. Всё, я закрыла «страницу» с теми людьми, они остались в прошлом. Значит, не те это люди, я на самом деле это давно поняла. Я тянулась по жизни совсем не к тем людям... И это такая горечь для меня... Рядом не было нужных людей. Вот почему-то так... Не было «моих» людей. И мне очень горько от этого. А общаться с кем попало ради чего-то я не хочу. Это так глупо – играть роли, притворяться, так жёстко обманывать людей... Я терпеть этого не могу. Но тем не менее я согласилась с ней встретиться завтра и попросила её позвонить после 12-ти. Но ни о какой встрече с ней я даже не думала. А лет 5 назад я, наверное, заснуть не могла бы, думая о предстоящей встрече с кем-то... Но уже давно мне это всё неважно.

Стоя под душем, я думала о прошедшем дне. И вновь поняла, что безумно ненавижу себя. Что я противна себе ужасно, что я хочу как можно скорее исчезнуть, потому что жить так дальше просто невыносимо. Ведь, как правильно заметили умные люди, единственный человек, который будет с тобой всегда, всю твою жизнь – это ты сам. От себя ты никуда не денешься, поэтому, чтобы жить нормально, надо любить себя. А я ненавижу. За слабость, прежде всего, которая

проявляется практически во всём. Я соткана из слабости! Я даже не тростинка, я полиэтиленовый пакетик из материала самой низкой плотности, который не может сопротивляться порывам ветра. Мозг мой давно будто затуманен! Я потеряла счёт дням, я потеряла чувство какого-либо времени, за которым невозможно угнаться, я потеряла смысл в каждом дне и в жизни, я практически сошла с ума! Я просто выключила мозг! Он теперь работает примерно на 20%... Я будто сплю! Хотя во сне теперь мой мозг работает гораздо активнее, потому что там интереснее. Я откровенно сдалась. Я перестала о чём-либо думать. Я даже перестала бояться! Вообще! Я даже не жду наказания! Не жду последствий всего этого... Я вообще не думаю о завтрашнем дне, причём в прямом смысле слова. Мне всё надоело. Я устала. Интересно, что это не проходит. Потому что мне так хорошо – жить на «расслабоне», ни о чём не «парясь», ни за что ни перед кем не отвечая, так же удобно. И плевать мне, что думают про меня люди, я же не с ними живу, я живу одна, живу для себя. Как хочу, как мне комфортно. Считаю ли я, что это правильно? Нет, не считаю так. Это совсем неправильно. Надо, прежде всего, приносить пользу людям, миру... Я знаю. Но не приношу. Потому что думаю только о себе. Слишком уж много во мне эгоизма. Такая я. Это очень некрасиво. Поэтому за что мне себя любить? А меняться... Нет сил, не вижу смысла... Не вижу! Потому что не для кого мне меняться! А без людей, тупо для себя... я смысла не вижу.

Просто простояв под горячей водой примерно 40 минут, я всё же решила почистить зубы. Прямо не выходя из душа. Когда взяла тюбик, обнаружила, что паста закончилась, и для того, чтобы использовать остатки, надо разрезать тюбик, как я обычно делаю. Но для этого мне надо было выходить из ванной, так как ножницы находятся у меня за её пределами, а я это делать категорически не хотела. И это был отличный повод, чтобы не чистить зубы и поскорее уже лечь спать, но ко мне вдруг пришла мысль, которой я сначала не поверила. Я решила использовать лезвия бритвы, которые были у меня под рукой, чтобы сделать несколько надрезов на тюбике. Сделать это было очень непросто, к тому же неприятно, но мне почему-то стало интересно, смогу я совершить задуманное или нет. Конечно, у меня всё получилось, потому что я слишком упрямая и если уж мне что-то действительно нужно, то я обязательно добьюсь своего. Проблема в том, что по-настоящему нужно мне сейчас в жизни слишком мало. Это меня радует, но это и самое страшное, потому что от этого никакого стимула что-то делать вообще нет. Я приняла ситуацию и сложила «лапки», зная, что так поступать ни в коем случае в жизни нельзя. Я пошла «против течения» так, как, наверное, никто и никогда в жизни не шёл. Таких сумасшедших просто ещё не было. Да, хоть в чём-то я первая, только это точно никто никогда не оценит.

Легла в кровать я через час после того, как вышла из ванной. На что ушёл целый час, я не знаю, помню только, что

сидела на кухне, пила чай и смотрела какие-то видео в интернете. Интернет очень отвлекает меня от всего... особенно фильмы. Хотя они и «вскрывают» иногда мои душевные раны, я всё же обожаю уйти в мир ирреальности, погрузиться в «жизнь» других людей, полностью забыв о своей. Это истинный кайф для меня. И за него я отдаю многое, прежде всего свою реальность, не желая осознавать, что при большом рвении я могу сама её создать не менее интересной и наполненной, чем в этих фильмах. Хотя нет, наверное, с кино-историями тягаться не нужно, но, по крайней мере, это будет моя реальность, моя история, которую буду проживать я, а не герои фильма, не актёры, которым я всегда по этой причине завидовала, ведь у них есть прекрасная возможность в одной жизни проживать сразу несколько, наполнив свою жизнь множеством интереснейших и увлекательных историй, героями которых они смогут побывать. Это же супер-профессия! Но я вот выбрала другую. Хотя не считаю, что у меня вообще есть какая-то профессия. Её нет. Я просто рисую. Пишу картины в своё удовольствие, иногда получая за это деньги. И всё. И нет ничего больше, к сожалению. Как-то странно получилось. Но какая я, такая у меня и жизнь.

Спустя ещё «сто лет» моих размышлений обо всём, начиная фантазиями о героях просмотренных фильмов и заканчивая новыми идеями работ, я решила, что пора срочно засыпать. Напоследок в голове появилась мысль, что надо помолиться. Я давно искренне не молилась, так, как делала

когда-то раньше; сначала меня это немного пугало, а потом я перестала на это обращать внимание, хотя знала, что это плохо и к Богу обращаться хотя бы раз в сутки нужно. Так же помнила, что нельзя произносить слова Господу на «автоматизме», но порой это делала. Не молилась, потому что даже на это не было сил. Хотя, скорее всего, потребности не было. Мозг отказывался даже на несколько считанных минут включаться в реальность. Но в этот раз я всё же решила сказать самые важные для меня слова. «Господи, пожалуйста, сделай так, чтобы с моей мамой всё было хорошо. И чтобы со мной было всё в порядке. Пожалуйста, услышь меня! Аминь. Аминь. Аминь». Почему я почти всегда говорила «аминь» 3 раза, не знаю, скорее всего, для усиления «эффекта», зная о том, что это слово произносится в конце как доказательство искренности сказанных слов. Мои обращения к Богу всегда похожи, очень часто они об одном за редким исключением. К Господу я считаю нужным обращаться только за самым главным, но иногда могу задать ему важные вопросы в моменты отчаяния после «включения» в реальность. Но никаких ответов я, к огромному сожалению, не получаю. Но верю в то, что Он знает, что делает... Через пару минут после произнесения этих слов я заснула, вновь ушла в любимый мир, где есть только интересные истории, мысли, безграничные путешествия и нереальные ощущения, которые я обожаю и которых мне так не хватает в действительности. И море, которое накрывает меня с головой. В ко-

тором я мечтаю когда-то по-настоящему утонуть.

Кайф от сна в любимой кровати быстро прошёл, как только я «краем мозга» поняла, что проснулась. А разбудили меня безумные звуки ремонтных работ за стеной. Я долго не хотела смотреть, сколько времени, но через несколько мгновений всё же решилась. 9:07. Прекрасно. Я начала судорожно вспоминать, какие цифры были на экране моего телефона, когда я его положила. Лучше бы не вспоминала... 5:38. Понимая, что в самое ближайшее время мне не удастся уснуть, я как обычно зашла в интернет. Как прошли следующие полтора часа, я не помню. Я просто что-то тупо смотрела в соцсетях. То, что мне вообще неинтересно. Но я привыкла, ведь это происходит каждый день, это происходит слишком часто... Я снова задумалась над тем, для чего вообще я живу, какой смысл в этом существовании с одинаковым сценарием изо дня в день. Ответа я не нашла и поняла, что надо срочно заснуть с горя. Если не удастся заснуть самой, напьюсь и тогда точно засну. И плевать на всё. И как только мне начали приходить какие-то видения из ниоткуда, и мои мысли стали обрываться на полпути, мой телефон запел. Звонила Ната. Я была безумно зла и возмущена тем, как ей хватило наглости звонить мне раньше 12-ти, но всё же нажала на зелёную кнопку.

– Приветик, ты спишь? Слушай, может, сходим на од-

ну интересную выставку, м? Современное искусство, все дела... – защебетала подруга. – А потом давай съездим на тусу в один дом на Рублёвке. Тим купил дом, прикинь! Ну и зовёт всех своих... а там «своих» как грязи... Ну и можно привезти ещё с собой... Типа «+1», знаешь? А я тебя познакомлю с зачётными ребятами... Знаю, ты мажоров не любишь, но там будет выбор... Давай, хватит тухнуть в своём безграничном болоте и творческом одиночестве... Ты понимаешь, что ты просто хоронишь себя заживо? Ну это же бред, правда! Эй, ты меня слушаешь или дрыхнешь?

– Я слышу. Но блин я вообще не выпалась. Я не в состоянии. Ты сегодня хочешь? Я сегодня не могу.

– О Боже, ну поспи немного и давай ближе к вечеру встретимся. Тусня всё равно ближе к ночи начнётся. Только ты надень что-то нормальное, ладно? Ну и волосы распусти, накрасься, окей? Я позвоню тебе в районе 5-ти. И встретимся в центре где-нибудь. Сначала на выставку, а потом на такси поедem за город.

Я понимала, что устала сидеть дома круглосуточно, понимала, что жутко устала от однообразного существования. Но с другой стороны в тот момент мне не хотелось ничего. Мне снова хотелось исчезнуть навсегда, и чтобы все обо мне забыли. Хотя и забывать-то некому, никто ведь и не помнит. Но вместе с этим я понимала и то, что я просто потеряю «подругу», и тогда кроме мамы мне уже точно никто звонить не будет. А сейчас у меня есть шанс выйти в люди, правда,

я очень боялась, что быстро пожалею об этом и опять начну ненавидеть себя с большей силой.

Мой сон несколько раз прерывал шум из соседней квартиры, и в какой-то момент я окончательно проснулась. Надо было заставить себя не просто встать, но и быстро собраться, ведь если я сильно опоздаю, Натка пошлёт меня куда подальше, и момент будет безвозвратно испорчен. Я как всегда искренне верила сначала в то, что не опоздаю, потом в то, что опоздаю всего на 5 минут, потом на 10... В итоге... мне не хочется говорить, на сколько я опоздала.

– Вот ты не хочешь жить нормально. Я не устаю тебе поражаться! Ты вообще никогда не можешь не опоздать?! Ну почему ты такая ненормальная? – эмоционально возмущалась Ната. Я хотела ответить что-то вроде того, что «все талантливые люди в какой-то степени ненормальные», но потом поняла, что ко мне это не относится. Я просто ненормальная, и к таланту это никакого отношения не имеет.

– Ты жизнь проводишь во сне! Чем ты живёшь? Ты об этом мечтала? В жизни столько всего интересного, но ты этого не замечаешь! Как можно постоянно купаться в негативе?! Что ты за человек?!

– А ты, я смотрю, не теряешь надежду вернуть меня к жизни... – сказала я с некой ухмылкой.

– А ты думаешь, что всем безразлична? Ещё не всем пофиг на тебя, но если будешь так продолжать, скоро это станет реальностью. Ты, видимо, не понимаешь, что жизнь – это

не игра. От жизни надо брать всё! Это истина! Но у тебя походу своя...

— Да нет... Не знаю... — тихо ответила я.

— Нет, ну как можно иметь такой амёбный характер?

Знала бы она, какая я на самом деле. Я странная, действительно странная. Я веду себя по жизни как амёба, хотя я вообще не такая внутри. У меня есть свои принципы, твёрдые убеждения, я решительна в своих поступках... но об этом знает только мама. С другими я совсем не смелая, я тихая, скромная, молчаливая... хотя внутри меня всё порой кричит... Но, зная, что меня заткнут в два счёта, если я только решусь что-то ляпнуть, «влепить» кому-то своё мнение, которое несхоже с мнением большинства, я сдерживаюсь и молчу. Бешусь внутри, но вида не подаю. Как мне кажется. Хотя, судя по всему, мой взгляд выдаёт всем всё...

Мы с Натой пришли в явно молодёжное место, некий ART-клуб, где в трёх просторных залах было минимум экспонатов. Я не люблю современное искусство, как и искусство в целом, но занимаюсь им и интересуюсь. Хотя оно меня бесит, и я его не понимаю. Такой вот парадокс! Я не признаю многих известных и малоизвестных художников, считаю, что мои работы заслуживают висеть в залах картинных галерей гораздо больше, но оставляю своё мнение при себе и мирюсь с действительностью, которая мне противна. Ната привела меня на выставку, которая называлась «Естественно обнажённые». Интересное название... Я начала думать о том, кто

бывает неестественно обнажённым, но додумать свою мысль мне не удалось. Мы вошли в зал и увидели по одной картине на каждой стене и скульптуру полуобнажённой девушки в ужасных, старомодных трусах. На картинах были изображены деформированные обнажённые недочеловеки, которые занимались тем, о чём в приличном обществе не говорят. Мне сразу стало всё понятно, но я продолжала делать вид, что изучаю работы, при том, что даже просто видеть их мне совершенно не хотелось. В следующих двух залах присутствовали работы в такой же тематике. Мерзкие извращения людей без капли эстетики и смысла. Хотелось скорее выбежать из галереи и забыть об этом навсегда, но я не могла. Ната сфотографировала пару скульптур, почитала описания работ, после чего мы пошли к выходу. Я понимала, что надо, наверное, обсудить то, что мы увидели, но делать мне это крайне не хотелось. В тот момент я могла сказать только одно: «На этой выставке я главный экспонат», вспомнив один мегахит³, но вовремя себя одёрнула.

Когда мы вышли на улицу, уже вовсю шёл дождь, и нас сносил ледяной ветер. Идти куда-либо было невозможно, но выхода не существовало, ведь надо было дойти как минимум до дороги.

– Ну, что скажешь? – игриво спросила Натка.

– У меня нет слов, – спокойно сказала я.

– Ну я так и думала... Надо мыслить шире, тогда увидишь

³ Хит группировки «Ленинград» «Экспонат»

больше! А ты мыслишь ограниченно, квадратными канонами! А нужно открыть глаза и раскинуть мозгами, чтобы хотя бы попытаться понять, что хотел сказать художник! Ты же хочешь, чтобы твои работы понимали? Я скажу тебе честно – мне вот в твоих работах без объяснения тоже ни черта непонятно! Серьёзно! Без обид.

– Слушай, я поняла: нам хотели показать и объяснить, что надо учиться принимать наготу такой, какая она есть, не стесняться своего тела, увидеть красоту в обыденном и привычном... Но только я уверена, что мы не сможем изменить свои убеждения насчёт обнажённого тела, мы всегда будем его стесняться и не принимать все эти работы в стиле БДСМ...

– А «50 оттенков серого»⁴ ты как смотрела, с омерзением?

– Там такого не было. Должно быть красиво! И со смыслом!

– Не надоело быть идеалисткой в таком несовершенном мире?

– Очень надоело, и ты это знаешь, – с трудом произнесла я, сопротивляясь очередному порыву ветра.

Пока мы ждали такси, Ната решила закурить. Отличная идея, стоя под дождём с диким ветром. Минут 5 она пыталась справиться с зажигалкой, и как только она одержала победу, к нам подъехала машина. Я уже не хотела никуда ехать, потому что меня дико бесила вся эта ситуация и моя «по-

⁴ Американский кинофильм 2015 года по одноимённому роману Э. Л. Джеймс

друга». «Ну почему я всю жизнь вынуждена делать то, что совершенно не хочу, в чём не вижу смысла?!» Я хотела уже было сказать, что поеду домой, но Ната начала без остановки рассказывать мне о том, как она на днях познакомилась с каким-то парнем, который является совладельцем какой-то галереи, имеет серьёзные связи, и что он тоже должен приехать на эту тусовку. Мне же всё это было неприятно, и я никак не могла найти ни одного «плюса» во всём происходящем. Всё то время, пока мы стояли в сумасшедшей пробке и видели перед собой только красные огни миллиона машин в темноте, Ната просидела в телефоне, переписываясь с кем-то, в ком, очевидно, была заинтересована. Обычная ситуация, к которой я никак не могу привыкнуть. Прекрасное «общение» с «подругой». Не могу этого понять, но приходится принимать и это, чтобы не умереть в одиночестве на своей любимой кровати, хотя мне очень этого хотелось.

Спустя пару мучительных часов мы, наконец, доехали до места, отдалившись от Москвы километров на 30. Надо было выходить из машины, натянув на лицо фальшивую добрую улыбку, но уголки моих губ плохо подчинялись моим попыткам совладать с мимикой. Как всегда я вышла из машины так, будто пьяна или не умею координировать свои движения, но, походу, никто и не обратил на это внимание, к моему счастью. Я увидела перед собой внушительных размеров коттедж, типичный для нашего Подмосковья. На крыльце стояли девушки на каблуках, в коротких пла-

тых и меховых накидках, с бокалами в руках. Все абсолютно одинаковые чисто внешне: сделанные губы, брови, носы, обязательно виниры на зубах, распущенные светлые волосы средней длины... Всё как нужно. «Боже, ну что я здесь делаю?» – подумала я, чуть не споткнувшись об уже отвалившейся плитку на асфальте. Хозяина дома и всей этой тусовки я видела только издалека пару раз. От Наты узнала, что ему всего 21, но его треки уже долгое время прочно занимают верхние строчки всех хит-парадов страны. Он типа музыкант и художник. Конечно, ни с одной его работой я не знакома, что для меня неудивительно.

– Ты что реально не слышала его трек про то, как он идёт под дождём в мокрых кедах к любимой⁵? Блин это так романтично, и музыка прикольная... Да она летом звучала отовсюду! В каком танке ты сидела? – как обычно с укором и удивлением сказала Натка.

Долгое время я как всегда сидела одна с коктейлем в одной руке и телефоном в другой, делая вид, что я с кем-то активно переписываюсь, пока подруга бегала от одного «знакомого» парня к другому. Я написала Асе, что нахожусь в загородном доме одного чувака и что скоро умру от скуки, не зная, что здесь нужно делать и как общаться со всеми этими людьми, половина из которых была уже в хлам пьяна. Это типичная ситуация для меня, и я ненавижу её проживать, это истинное мучение и испытание для меня, при-

⁵ Говорится о хите Тимы Белорусских «Мокрые кроссы»

чём я не понимаю, зачем я каждый раз его прохожу, ведь никакого результата этих попыток я ещё не получила. Со всеми своими друзьями я познакомилась в совершенно других обстоятельствах, я никогда не начинала общение первая. Я просто не умею этого делать, не знаю, что нужно говорить и как, чтобы это не было дико глупо и наигранно. Сколько будет длиться эта гулянка и чем закончится, я, конечно же, не знала, и это ещё больше пугало и расстраивало меня.

Силы были уже на исходе, и я решила выйти на балкон, несмотря на дикий холод, накинув плед на плечи. Мне так хотелось увидеть море, горы, лунный свет, но перед моим взором была лишь чернота леса и огни железнодорожной станции вдалеке. Я старательно делала вид, что просто вышла подышать, отдохнуть, хотя внутри я кричала: «Господи, забери меня отсюда скорее! Мне невыносимо здесь находиться!» Я устала от громкой музыки и шума, которые всегда не любила, мне хотелось оказаться дома, в своей комнате и просто спрятаться от всех. Я готова была расплакаться от осознания того, как долго это длится – ситуации, когда я чувствую себя лишней, не такой как все... Страдая от этого всю жизнь, на третьем десятке уже не остаётся сил выдерживать давление со стороны общества, хочется навсегда уйти от всех... Только уйти придётся в никуда...

– Почему ты грустишь? Почему одна? – спросил меня мужской бархатный голос сзади. В подобных ситуациях мне задают всегда одни и те же вопросы. Следующим будет: «Те-

бе не нравится это мероприятие?» – Тебе не нравится то, что здесь происходит? – «Ну конечно! Как оригинально! Один и тот же сценарий!»

– Ну... я здесь никого не знаю, а моя подруга куда-то убежала... Она более общительная и коммуникабельная... А я... просто приехала за компанию... Типа “+1», только не к парню, а вот... к подруге... Она притащила меня сюда... развлечь... – объяснила я с лёгкой улыбкой, думая, что она как-то скроет мою тоску.

– Понятно. Ну это не самая редкая ситуация... Здесь главное – много выпить и раскрепоститься. Больше половины друг друга не знали, но сейчас уже лучшие друзья. Тут нерепальное количество алкоголя, ну и... не только его... Это неотъемлемая часть такого рода тусовок.

– Я понимаю, – протянула я, глядя в его серые глаза с длинными ресницами, от которых я уже не могла отвести взгляда. Всю жизнь не понимаю, зачем многим мужикам даны длинные чёрные ресницы! Каждый раз они сводят меня с ума!

– Что ты пьёшь?

– Сама не знаю. Знаю только, что не хочу напиваться... Это может быть опасно для меня... Могу натворить ужасно много глупостей... А я не хочу опозориться перед кучей малознакомых людей... – честно ответила я.

– Сколько ты уже держишь в руках этот коктейль? Лёд в нём, как я вижу, уже растаял, – с ухмылкой произнёс он.

Я не нашлась, что ответить.

– Не против, если я закурю?

Конечно, я была против, но на этот раз ответить честно я уже не решилась.

– А кто твоя подруга?

– Ната. Мы учились вместе в художке.

– Ммм у тебя яркая подруга, её трудно не заметить.

Я чувствовала себя по-прежнему отстойно, понимая, что я не такая красотка, как Ната, не такая яркая, не такая привлекательная... Что я на её фоне серая мышь, бледная моль и так далее. Отвратительное чувство, которое я испытывала всегда, когда находилась рядом с какой-то своей подругой, неважно, кто это был. Я всегда чувствовала, что мои подруги нравятся парням гораздо больше, чем я. Я не завидовала, но, конечно, чувствовала себя из-за этого некомфортно и неуверенно.

– Вообще она не говорила, что закончила художественный. Я думал, она просто интересуется искусством...

– Она сейчас не пишет, насколько я знаю, – кратко пояснила я.

– А ты? Чем занимаешься?

– Я... Вообще пишу... время от времени. Когда есть заказы и когда есть вдохновение.

– В каком стиле работаешь?

– В разных. Люблю абстракцию, но при этом пишу всё, что угодно... Что закажут. Берусь за любую работу, если прове-

ренные заказчики платят приличные деньги.

– Не выставлешься?

– К сожалению, нет. Пока я радуюсь тому, что у меня есть хоть какие-то заказы... Больше я ничего не умею, да и не хочу делать. Выполнять какую-то скучную, рутинную работу – точно не моё. Не понимаю, как можно каждый день сидеть на одном и том же месте и выполнять какую-то работу, которую могут и роботы выполнять. Не вижу ни смысла, ни удовольствия в такой жизни.

– А ты гедонист?

– Это спорный вопрос. Когда-то мне казалось, что да... Но, наверное, я гедонист где-то в самой далёкой глубине души. А на деле, видимо, нет. Совсем нет.

– Судя по тому, что ты стояла здесь долгое время одна и с грустью смотрела вдаль, соглашусь с этим, – снова с улыбкой сказал он. Я слегка улыбнулась.

– Ну а ты чем занимаешься? – решила поддержать тему разговора я.

– Ну официально я театральный художник-декоратор. Я не думал, что буду работать в театре, но так получилось... Долгая история... По сути я сценограф. У меня два высших: я поступил в художку, а потом ещё учился в одном институте искусств на театральном. В итоге подрабатываю в актёрской студии в Питере, веду мастерство. Можно сказать, живу на два города.

– Интересно... Знаю, что многие актёры рисуют... Это

близкие профессии, и всё же разные. Для меня актёрская профессия – это что-то недостижимое, слишком сложное... Хотя... сложно всё, как я теперь понимаю, – философски отметила я, стараясь не вдыхать сигаретный дым, который шёл от собеседника.

– Мне кажется, ты ещё больше любишь усложнять жизнь...

– Да нет... Нельзя сказать, что я люблю этим заниматься. Я просто разочаровалась в жизни. Она оказалась совсем не такой интересной, как я думала.

– Ну ты, наверное, много мечтала с детства... – произнёс он, смотря мне в глаза, как мне казалось, как-то по-особенному.

– Мечты в итоге убивают, если не удаётся их претворить в жизнь, – сказала я впервые за время разговора слишком серьёзно, и мне тут же захотелось расплакаться.

– В тебе столько трагичности... Это образ такой?

– Нет, я на самом деле такая... Разве не видно? – сказала я, стараясь не показывать раздражения.

– Мне бы хотелось это исправить.

И тут у меня внутри снова произошло то, что происходило уже не раз, когда я слышала что-то подобное в свой адрес... Внутри меня зашевелился лучик надежды... движения которого я уже давно забыла... На глазах почти появились слёзы. Я понимала, что надо останавливать свои эмоции, но в то же время мне не хотелось это делать.

– Мы не познакомились толком. Я Эрик, – произнёс он с приятной улыбкой.

Я поняла, что не смогу внятно произнести ни «Лия», ни «Камелия», поэтому сказала: «Кама» и тоже улыбнулась. После этого он предложил мне пойти вовнутрь, так как мы оба уже прилично замёрзли. Мы вернулись туда, где звучала громкая музыка, и происходило нечто совершенно непонятное, и я снова была растеряна от того, что не понимала, что буду делать. Я надеялась, что Эрик будет находиться рядом со мной, но его кто-то позвал, и он вскоре удалился. Танцевать я не собиралась, напиваться тоже, как и искать Нату. Снова захотелось плакать, даже рыдать, убежать от всех далеко. Мне хотелось этого безумно, но я понимала, что это невозможно. Снова эта дикая несвобода, безвыходность, которую я ненавижу! И в тот момент я ненавидела себя. Я уже собралась вызывать такси, чтобы как можно быстрее и бесследно уехать с этой дурацкой вечеринки, как ко мне подбежала Натка.

– Ой, Кам, ну ты как всегда! Что за тухлая физиономия? Я для чего тебя сюда притащила? Чтобы ты оттянулась, познакомилась с кем-то, отдохнула нормально, пообщалась...

– Я познакомилась.

– Да? С кем? – удивилась подруга.

– С Эриком. Ты его должна знать...

– Ну, конечно, знаю! И что?

– Поговорили немного и всё...

– Как всё? Что значит «всё»? Слушай, туса в разгаре! Давай, хватай быка за рога! Не упускай шанс!

– Какой шанс? Я не собираюсь никому навязываться! – вспыхнула я, понимая, что зла не только на ситуацию, но и, прежде всего, на себя.

– Ну ты всё-таки дура! Снова повела себя как амёба? Не смогла его заинтересовать?

– Видимо, так... – с грустью сказала я.

– У меня нет слов! – с чувством сказала Ната, после чего ушла, а затем вернулась с новым бокалом для меня. – Давай, пей. Надо раскрепоститься! Твои зажимы, комплексы и страхи здесь никому не нужны! И вообще никому не нужны! Давай пей и иди ищи его! Узнай, с кем он сейчас тусит, попробуй влиться в коллектив, ну же!

– Нет, не буду! – окончательно разозлилась я.

– Ты не хочешь ничего делать, чтобы хоть что-то изменить! Почему ты считаешь, что тебе все должны, что все за тобой будут бегать?! Ты дико бесишь этим! Ты ведёшь себя глупо! Я последний раз тебе говорю: бери себя в руки, решишь уже хоть на что-то! Хватит бояться людей!

Я отдала ей бокал и убежала в сторону выхода. Ненавидя себя за свою безумную слабость, я стала вызывать такси. Сквозь слёзы я с трудом видела то, что было на экране телефона. Я не могла даже вернуться за курткой и сумкой! Мне было стыдно... перед всеми... за себя... Я понимала, что не могу, просто не могу ничего сделать. Хотелось только

исчезнуть. Этого хотелось так сильно, как никогда. Я решительно спустилась по лестнице, не глядя ни на кого. Решительно я могу только уходить.

– Эй, Кама! – прокричали мне откуда-то сверху, но я не хотела откликаться. Было жутко холодно, сыро, но я шла почти раздетая вперёд, глядя только себе под ноги. У дороги я остановилась. Через несколько мгновений передо мной появился Эрик, которому мне было стыдно смотреть в глаза.

– Что случилось? Почему ты раздетая на улице? Ты так любишь холод?

Я не знала, что ответить, да и не хотела.

– Посмотри на меня. Тебе нужна помощь?

Я лишь отрицательно покачала головой, продолжая смотреть вниз.

– Так... Надо принести твои вещи... Но лучше, если ты сделаешь это сама, – спокойно сказал он.

– Я не могу... не хочу... – произнесла я.

– Давай вместе пойдём, и ты возьмёшь свои вещи... Окей?

Я, молча, пошла с ним в сторону дома, не поднимая головы. Снова я выгляжу глупо. Я снова не смогла сыграть роль, не смогла преодолеть себя. Снова я противна сама себе и жалею, что выбралась из своей квартирки в общество нормальных (или ненормальных, это неважно) людей. Господи, как я себя ненавидела, как мне было стыдно! Я искренне не знала, как оправдать своё поведение. Я не знала, как оправдаться перед самой собой! И не хотела говорить ни с кем. Мне хо-

телось закрыться в своей «раковине» и не вылезать из неё до тех пор, пока не станет безопасно, когда рядом не будет людей, чужих, незнакомых людей. Эрик был рядом со мной всё время, пока я искала свои вещи, что было сделать нелегко в том бардаке, который царил в доме, да ещё и в темноте, которая, как известно, «друг молодёжи».

– Почему уезжаешь? – спросил меня Эрик, когда мы снова оказались вдвоём на улице.

– Мне некомфортно здесь, я не понимаю, что должна тут делать, – честно ответила я.

– Понимаю. Но ведь ты примерно знала, куда едешь... Нужно стараться подстраиваться под окружающую обстановку, сливаться с действительностью, становиться частью общества. Иначе тебе будет дискомфортно всегда.

– Я знаю, – с неким недовольством сказала я.

– Ладно, вон уже машина твоя едет. Выбирайся из своей зоны комфорта. Если ты не будешь работать над собой, последствия будут очень неприятные, поверь.

Я не хочу говорить, как я рыдала по дороге домой, и тем более не хочу вспоминать, как рыдала на своей кровати до тех пор, пока сон не вырубил меня. Мне казалось, что для меня закончился мир, всё рухнуло, жизнь точно закончилась, и я не смогу больше никогда выйти из дома. Только если в соседний магазин, и то вряд ли решусь на это, не надев на себя паранджу. Так загнать себя в угол умею, наверное, только я. А дальше... Либо я останусь в этом углу, либо

решусь снова приоткрыть свою «раковинку» и выйти в бездну... под названием «Жизнь».

– Я не буду говорить, какая ты ненормальная, какая дебилка и идиотка, ты и так это прекрасно знаешь... Скажи мне только, что у тебя там было с Эриком, я так ничего и не поняла, – говорила мне Ната по телефону спустя почти сутки.

– Ничего. Просто поговорили и всё. Я опозорилась перед ним... Он увидел, как я уходила... – прискорбно сообщила я.

– А ты думала, что никто не увидит, как девка с одним телефоном в руках быстро сваливает с тусы?! Я поражаюсь! Ты думала, что надела невидимую мантию? Извини, вынуждена тебя разочаровать... её у тебя и не было!

– Смысл ещё и в том, что он мне сказал...

– И что же?

– Да неважно. – я не захотела вспоминать тот момент. – Слушай... А ты с ним близко знакома?

– А что?

– Не знаешь, у него кто-то есть? – со страхом спросила я.

– Хм, ну смотря кто... Если ты интересуешься, женат ли он и есть ли дети, то, насколько я знаю, нет. А так... есть кто-то или нет... не думаю, что это важно. Выбирают-то всё равно мужики. Даже если кто-то есть, это не мешает ему влюбиться в другую.

– Это понятно... – сказала, протяжно, я.

– А зачем ты спрашиваешь? Запала на него, да?

– Да нет...

– Ммм многозначный ответ. Я знаю, что он классный парень, и что он мог бы тебе помочь... при желании, конечно. Напиши ему, я скину тебе его страничку.

– Я ему первая писать не буду! – отрезала я.

– Какая разница, первая, вторая или 25-я, суть не в этом! Тут вообще не до принципов! Это баб на всех хватит, а мужиков у нас считанные экземпляры, тем более нормальных. Только в кино мужики борются за женщину, в жизни всё наоборот!

– Откуда ты знаешь, что он нормальный? – спросила я после непродолжительной паузы.

– Вижу. Давай пиши ему, потом мне расскажешь. Уверена, что он ответит. Может, даже согласится встретиться. Только ты приведи себя в порядок, а точнее, в женственный вид. Сделай причёску, макияж нормальный, оденься красиво, каблуки нацепи...

– Нат, какие каблуки?! Какая причёска? Я же не на машине!

– Это всё отговорки и оправдания! Ты просто не хочешь выглядеть красиво, тебе это почему-то на хрен не надо! Нет, если тебе так нравится сидеть дома всю жизнь, пожалуйста, я от тебя отстану!

– Я уже выбралась в «свет»... И чем это закончилось?

Опозорилась перед всеми.

— Опозорилась ты, прежде всего, перед собой, потому что опять затупила и не сделала то, что надо. Я не думала, что тебя надо ко всем подводить!

— А могла бы! — с чувством сказала я. — Между прочим, это ты привела меня туда!

— Я и так много чего делала! Если бы не я, ты все годы учёбы была бы одна!

Это правда. Если бы не Ната, я не знаю, как выжила бы в институте. Быть одной нереально тяжело, а я ещё и страшно привязываюсь к тем, кто находится рядом. Я не могла провести без Наты и дня в универе и безумно переживала, с кем общается и проводит время она, когда не приходила в институт я. Я не могла терпеть, если она начинала много общаться с кем-то кроме меня. Я очень ревнива, и это у меня с самого детства. Я не умею давать свободу людям. Вообще никакую. И это ставит такой «жирный крест» на всём! Мама рассказывала мне, что мой отец был патологически ревнив, и это невозможно было выдерживать. Ну а я... слишком похожа на моего подонка-отца, который был редкостным эгоистом. Я вся в него, и это, безусловно, ужасно.

На следующий день я всё-таки решилась написать Эрику, несмотря на то, что чувствовала себя очень глупо. Противное чувство, с которым я ничего не могу сделать. Он ответил мне через пару часов, и у нас началась долгая переписка. Мы говорили на разные темы, но в основном, конечно же,

о моей жизни. Вообще стоит меня только спросить о чём-то, как меня начинает уносить слишком далеко, и я могу за пару часов рассказать человеку всю свою жизнь, и мне абсолютно неважно, кто этот человек. Когда у меня начинается общение тет-а-тет, фильтр, контролирующий, что можно говорить, а что нет, просто исчезает, разум отключается, а я лишь одержима желанием рассказать всё. Я была такой всегда. Тихоня, стоящая в углу, в обществе, и человек, у которого не закрывается рот, как только кто-то заинтересовался его персоной. Мне нужно внимание, я слишком сильно в нём нуждаюсь. И пойти на контакт первая могу, но только когда дело касается одного человека, а не нескольких. Когда я общаюсь с человеком, я всегда захвачена разговором с ним, полностью поглощена, и в тот момент мне плевать абсолютно на всё. Думаю, что даже если будут рушиться стены вокруг или будут стрелять, я продолжу говорить что-то или писать. Мне нужно выговориться, всё рассказать. Знаю, что я утомляю этим людей, но ничего с собой сделать не могу. А за последние годы я совсем мало стала общаться... даже по интернету, поэтому переписка с Эриком стала для меня возвращением к Жизни. Я рассказала ему вкратце свою историю жизни, семейную драму, то, чем типа живу сейчас, чем интересуюсь, о чём мечтала... А про него... про него я не узнала ничего, ведь разговор шёл обо мне. В конце была затронута тема выставок, я рассказала о том, что мы видели недавно с Натой, как мне это было неприятно и непонятно и что я

очень хотела бы поговорить с кем-то об искусстве. И Эрик предложил встретиться и сходить на одну более интересную выставку, и заодно поговорить о работах известных и современных творцов. Я не могла поверить в это. Когда я увидела его сообщение, меня захлестнули эмоции. Так происходило всегда, когда кто-то мне предлагал встретиться, опять же неважно, кто. А на этот раз это был человек мужского пола, который был мне интересен. Я была готова прыгать от радости. Но потом меня охватил страх. «А вдруг я опять что-то сделаю не так? Или вообще всё...» И снова пошло сопротивление. Я начала думать, нужно ли мне это, нужен ли этот риск. Я слишком долго не могла заснуть, думая о том, что ждёт меня на этой встрече и чем она закончится. Может, это будет просто обычная встреча, которая не принесёт ничего значительного и вскоре забудется, может, я вновь опозорюсь, а возможно, это станет началом чего-то большего... И, признаться честно, я боялась всех трёх вариантов! А чего бы я хотела... я сама не понимала. Наверное, я хотела, чтобы всё произошло даже не как в кино, а как в красивой сказке... где всё так хорошо, как в реальной жизни точно не может быть. А в реальности я уже не хотела ничего. И всё же я надеялась. Надеялась так сильно, что решилась снова пойти на риск.

В тот день, несмотря на как обычно страшный холод, я вышла на улицу без шапки, но с собой её всё же взяла,

а вот обувь на каблуке не надела... просто потому что у меня её и нет. Зачем мне зимняя обувь на каблуке, если я даже на нормальной платформе каждый раз иду, боясь упасть на лёду, который лежит толстым слоем на тротуаре порой несколько месяцев подряд? И боюсь упасть я только, когда рядом кто-то идёт, это понятно. Упасть на лёду – это стыдно. Хотя я уж точно не буду виновата, если упаду, но всё равно я убеждена в этом. Ну неприлично падать на улице. И вообще падать. Неважно как. Мы с Эриком встретились в центре, у метро и пошли в сторону галереи. Я опоздала всего на 15 минут, что для меня опозданием не считается. По дороге мы говорили о том, как изменилась Москва за последние годы, о том, что общего у Петербурга и Москвы и в чём разница, говорили о художественных вузах, стилях и направлениях, которые наиболее актуальны сегодня, я ему начала говорить о некоторых своих работах, но мы уже дошли до пункта назначения. Гулять, да ещё и активно разговаривать, когда губы отказываются работать, а глаза слезятся от ледяного ветра, несильно хотелось. Я не хотела портить общение своими рассуждениями о том, как можно жить в таком климате, какая здесь может быть жизнь и том, почему столько людей живут в вечном холоде, ведь для человеческой природы это ненормально. Сдержалась. Решила побыть нормальной. Выставка была масштабная, мы увидели огромное количество работ совершенно разных стилей, разного времени и разных авторов, и нам потом было что об-

судить. Я всю свою жизнь, по сути, изучаю изобразительное искусство и искусство в целом, но я мало что в нём понимаю. Да, я, конечно, различаю стили, разбираюсь в технике, знаю историю, помню очень многое из того, что мы углублённо изучали в институте и так далее, но я не понимаю, почему многие работы стали известными на весь мир и как можно отдавать миллионы за одну картину. Я ни фиги не понимаю и не признаю гениальность знаменитых художников, несмотря на то, что очень многое про них знаю. Так бывает. И изначально, мне кажется, что я права, но потом я начинаю понимать, что я полнейшая дура, и засовываю свои мысли куда подальше. Так случилось и в этот раз. Я начала очень смело и открыто говорить о том, что не вижу художественной ценности в ряде работ, но потом после объяснений Эрика, я просто закрыла свой рот и весь мой пыл вмиг испарился.

Мы зашли в одно небольшое и уютное итальянское кафе, недалеко от того места, где мы находились. Я заказала себе пасту, а Эрик – пиццу, после чего мы продолжили говорить. Позже я пожалела, что заказала еду, ведь я, как часто говорит моя мама, была «сыта разговором». Эрик говорил о том, что в современном изобразительном искусстве поменялись сами принципы этого искусства, в корне изменилась концепция.

– Французский живописец Гюстав Курбе, который жил в 19-м веке, говорил: «Дайте мне грязь, и я напишу ею солнце». Сейчас же художник может сказать: «Дайте мне грязь, и я заставлю покупателя видеть в ней солнце». Сегодня под-

линным творцом стал агент-посредник, интерпретатор деятельности. Важно, как ты продаёшь свои работы, как ты их позиционируешь и как позиционируешь себя. Сейчас все гениальные, все великие... Но только даже если ты и добился успеха, этот успех скорее всего продлится очень недолго, – объяснял Эрик. – Классическое искусство продаётся всегда, а вот современное должно «выстрелить», должно найти своего зрителя, который поймёт, что именно это ему нужно и близко.

– Я всегда за смысл и эстетику. Любая художественная работа должна быть красива, канонично красива. Для меня это прежде всего. Я считаю, что создать что-то красивое – очень сложно, это требует гораздо большего труда, чем сделать что-то кое-как или изобразить то, что неприятно будет созерцать.

– Ты идеалистка. А мир неидеальный, не сказочный, и многие художники показывали его таким, какой он есть.

– Зачем? Любой вид искусства требует красоты! Искусство должно быть прекрасно! Да возьми музыкальное искусство, театральное... Танцы, фигурное катание... Красивые костюмы, красивые движения, красивое пение, красивое выражение чувств... Даже плачут там красиво!

– А кино? – слегка улыбнулся он. – Там тоже всегда всё красиво?

– Должно быть! Сейчас там тоже стёрта грань... между художественным кино и документальным... И мне это очень

не нравится.

– Как твоя паста? Ты её почти не ешь, – перевёл тему разговора Эрик.

– Да я почти всегда медленно ем... – объяснила я. – Но итальянскую кухню я обожаю. Восхищаюсь ей. Как и Италией в целом. Это самая прекрасная страна мира. Хотя я там и не была... но я уверена в этом, я так в неё влюблена! Только... -я запнулась.

– Что?

– Никогда не обещай мне, что я туда поеду, ладно? Мой отец тоже обещал моей маме поездку в Италию... И в итоге мамина мечта так и не сбылась. И мне тоже много чего обещали... Но ничего не выполняли.

– Хорошо, не буду. Я тебя понял, – то ли всерьёз, то ли смеясь, сказал Эрик.

Спустя некоторое время недолгая пауза закончилась, но мне удалось хоть что-то съесть.

– Ты была счастлива?

– Почему ты спрашиваешь?

– Просто интересно.

– Я была счастлива, когда была на море. В красивых тёплых местах. А в Москве... я очень долго и с трудом буду вспоминать, когда была счастлива, но боюсь, что так и не смогу вспомнить... Я мечтаю уехать навсегда отсюда в комфортное для жизни место... Но уже знаю, что этого не будет... как и не будет всего, о чём я мечтаю...

– Мечты не работают, пока не работаешь ты...

Эта фраза стала главной в том вечере. Потом я ещё долго думала о том, что мне сказал Эрик. Если честно, я вообще не понимаю, как смогла сдаться, полностью опустить руки, не то что прогнуться под жестокую и ужасную реальность, а просто упасть в неё и раствориться в ней целиком и ту-по плыть по течению времени, не сопротивляясь! Просто от-даться всему самому плохому и сказать себе и всем: «Я сла-бая, я не могу!» Это ужасно. И стыдно.

Мы с Эриком расстались недалеко от кафе, в котором си-дели. Он вызвал мне такси, поскольку было уже поздно. Я боялась этого момента, не знала, что мне нужно будет делать, как всё это будет... как правильно себя повести... В итоге он просто сказал мне: «Пиши, если захочешь ещё куда-то сходить или просто встретиться»... и всё. Я просто сказала «Пока» и села в машину. Внутри было ужасно неприятное чувство незавершённости. Но он хотя бы дал мне надежду... однако всё равно всё было как-то странно и глупо. Я видела это так. Потому что как обычно страшно сомневалась в себе. Сомневалась во всём. Всё время до того момента, когда мой мозг не погрузился в состояние сна, я думала, конечно же, о нём, вспоминала то, что было... Его слова, его вопросы, его взгляд, его улыбку... Мне снова стало дико страшно от осо-знания того, что я могу в него влюбиться, могу стать зависи-мой от человека, как это было уже много раз в моей жизни, но только я уже очень не хочу повторения, слишком сильно

не хочу. И знаю, что буду долго с собой бороться... Но только в любой битве с собой я всегда проигрывала. И зная это, идти дальше слишком тяжело. Я боялась начинать новый день. Я боялась впускать в своё сердце нового человека. Я слишком сильно боялась боли. А в моей жизни случилось всё то, чего я очень боялась. Почти всё. Я не хочу признаваться самой себе, но мои мысли очень сильны... Это страшно. Это мистика в реальной жизни. Порой мне кажется, что моей жизнью управляют только лишь мои мысли. И что же делать? Если я не могу не думать, не могу не бояться? Я могу обманывать себя сколько угодно, но только в какой-то момент мой мозг увидит правду, откроет её мне, какой бы она ни была. И вот тогда станет по-настоящему тяжело. Я не знаю, как правильно. Не понимаю до сих пор. Не хочу надеяться. Но ведь я всё ещё живу, а значит, так или иначе надеюсь... Скажу честно... я надеюсь, что в моей жизни появится тот, кто будет рядом... и кто даст мне то, чего я не получила и что мне так необходимо. Я снова начала плакать. И поняла, что ни к чему останавливать этот поток эмоций. Мне страшно. И боль внутри всегда рядом, она всегда даёт о себе знать. Справиться с ней могу только я, сейчас никто не поможет, никто не заберёт её себе. Я одна. Впереди неизвестность, которая лично меня пугает больше всего на свете. Я не знаю, что делать. Надо спать. Снова спать. А после сна надо будет снова жить...

Через некоторое время после пробуждения я поняла, что мне снился сон во сне. Такое бывает, когда я пытаюсь проснуться, но организм сопротивляется и продолжает спать. И я во сне проживаю несколько раз одни и те же ситуации, к примеру, как встаю с кровати и иду в ванную. Но сегодня мне приснился настоящий сон во сне! И такое было уже не в первый раз. Во сне я проснулась, поняла, что мне снился сон, после которого я «проснулась» в объятиях мамы. Я чувствовала эти объятия. Безусловно, это было прекрасно. Для меня вообще объятия – это самое прекрасное, что может быть при контакте с человеком. Как я счастлива, когда во сне я обнимаюсь с кем-то, это всегда такие невероятные ощущения, которые невозможно почувствовать в реальности. Я не знала, для чего мне вставать. Это привычно для моей «новой», пустой жизни, в которой я уже отчаялась искать какой-то смысл. Я пролежала в кровати с телефоном какое-то время, после чего снова попыталась заснуть, но ничего не получилось. В итоге я решила встать, поесть и сделать что-нибудь из работы, которая стоит. Работать дома для меня – крайне неудобно, поскольку для меня работать дома – это ненормально. Дома всё располагает для того, чтобы отдыхать и... есть. Чтобы кайфовать. Но работать вне дома я не могу. С моими вечными опозданиями я не продержусь нигде и пары недель, я это понимаю. К тому же любая дорога – это сильный стресс для меня. Поэтому вынуждена рабо-

тять дома, где всегда есть соблазн расслабиться, отвлечься на что-то и так далее. Но последнее время я начала немного работать над собой, включать мозг и заниматься работой, даже той, которой не хочу. Работать продуктивно я могу только тогда, когда увлечена тем, что делаю, когда хочется, когда интересно. Иначе не хочу и почти никогда не делаю. Мне хватило школы и института – долгих лет моей жизни, когда я делала всё «из-под палки», заставляла себя, тупо занималась чушью, потому что так было кому-то надо. Но точно не мне. Сейчас я кайфую от свободы, которая у меня наконец-то есть... правда, кайф этот со слезами на глазах и с полным нежеланием жить... Да, согласна, сомнительный кайф, слишком сомнительный. Я сбилась с курса. Давно. Конечно, я понимаю, что не должна жить так, как живу. Но смысл заключается в том, что иначе я не могу. А за меня ведь никто мою жизнь не проживёт...

Когда я села за картину, которую пишу уже слишком долго, мне позвонила Ната.

– Слушай, ты не представляешь! Я познакомилась вчера с таким офигенным парнем, – защебетала она. – Талантливый, интересный, достаточно обеспеченный... И красив как Бог!

– Ты знаешь, как выглядит Бог?

– Твоя реакция меня порой просто убивает! Знаешь, вот я думаю, сколько же шикарных мужиков! Но вот умных среди них не так много... А с тупыми мне неинтересно, и с теми,

кто изменяет своим бабам направо и налево тоже.

– Серьёзно? Не думала, что тебя это так волнует, – искренне удивилась я.

– Ну блин, конечно, это неприятно, понимать, что мужику нужно только одно и неважно, с кем. Я как и все нормальные женщины, хочу быть любимой! А не просто куклой на раз. Ты же знаешь, сколько у меня таких было. Хочу серьёзных отношений, надоело уже играть в эти игры.

– Ты меня удивляешь...

– Ладно, чем ты меня удивишь? Как прошло свидание с Эриком?

– Ну это было не совсем свидание... скорее просто встреча... Мы довольно мило побеседовали... и об искусстве, и о жизни...

– Ну а дальше что?

– Всё, – честно сказала я.

– Как всё? Ты опять что-то сделала не так?

– Не знаю. Вот понятия не имею. Просто, наверное, всё так и должно было быть...

– Нет, ну я понимаю, что интим на первом свидании – это не про тебя, но что, у вас даже до поцелуя не дошло?

– Нат, какой интим?! Ты о чём? Мы встречались вообще просто на выставку сходить!

– «Просто»... С мужиками просто быть не должно! Когда ты уже это поймёшь?

Я снова ощутила себя полной дурой, вновь поняла, что

я ненормальный человек, который всё в этой жизни делает неправильно, и что зря я вообще согласилась на эту встречу. Меня не изменить. Я многого не умею, не понимаю, и учиться мне явно поздно. Ната сказала, что я не должна сдаваться, что нужно пытаться продолжить общение с Эриком и вообще общаться с кем-то хотя бы в интернете, раз в реальности я всех боюсь и ни с кем не могу наладить контакт. Но только после разговора мне стало ещё хуже. Я бросила к чёрту работу, которую делала, и легла на кровать. Бессмысленность моей жизни слишком остро ощущалась в тот момент, и я совсем не понимала, как выбираться из этой ситуации. Снова захотелось спать, спать и ещё раз спать. Но только не жить дальше, потому что мне безумно надоело всё. Одинаковые дни, одиночество, никчемность и ненужность... Я и подумать не могла, что после окончания института меня ждёт такая жизнь. В это невозможно поверить! Конечно, стыдно перед всеми своими знакомыми, поэтому я ни с кем давно не общаюсь. Что я могу рассказать людям о своей жизни? Это же позор. Я не хочу снова шокировать всех в плохом смысле и выставлять себя полнейшим ничтожеством и человеком с психическими отклонениями. Хотя... я сейчас чётко понимаю, что в институте все знали о моих психологических проблемах, я ведь это и не скрывала. Только я всегда думала, что это офигеть как интересно, а в реальной жизни оказалось, что это вообще некруто, и что от таких людей бегут без оглядки, потому что никому не нужны лишние про-

блемы, всем нужны лёгкость и позитив, а не вечное давление со стороны других... А давить и мотать людей я умею мастерски. Я в каком-то смысле «вампир», энергетический. А с такими люди предпочитают никаких дел не иметь. Я понимаю, что даже моим подругам уже некомфортно со мной общаться, но всё равно я всегда выбираю себя... Ненавижу себя за это.

Я уже начала засыпать (мой мозг почти не выходит из состояния сна), как снова раздался звонок.

– Ну как ты? Всё спишь? – спросила с явной надеждой получить отрицательный ответ Ася.

– Ну... да!

– Боже, тебе не надоело так жить?! Вот честно?

– Мне не может надоест спать, я слишком люблю сон! К тому же мои сны в сто раз интереснее моей реальности, ты же это понимаешь!

– Ну конечно, если ты решила «залечь на дно» и не выходить из дома, ничего интересного и хорошего не будет!

– А что там делать? Мучиться только! А ради чего? Нет гарантий, что если я буду как все мучиться каждый день, моя жизнь улучшится! Я ведь прошла всё это! Но моя жизнь вообще никак не изменилась! – эмоционально высказалась я.

– Ты неправильно делала...

– А я не знаю, как правильно делать! – не дала договорить Асе я. – Да, я решила так! Это мой выбор! Моя жизнь! Я вынуждена была так поступить и в итоге так жить! Сейчас

у меня есть свобода! О которой я так долго мечтала!

– Всё в жизни имеет последствия. И свобода тоже. Когда-нибудь ты это точно поймёшь, но только будет уже поздно.

– Ой, все такие умные, мудрые прям! А я такая идиотка! Все меня постоянно поучают, осуждают, опускают, и при этом хотят, чтобы я выходила в люди, была уверена в себе и так далее! – искренне возмутилась я.

– Лично я говорю тебе это, потому что мне не наплевать на тебя. Ты говоришь о свободе, но ведь это совсем не та свобода, о которой ты мечтала. Знаешь, что такое настоящая свобода для человека? Свобода – это осознанная необходимость. Понимаешь?

– Ну я же не такая умная как ты... – с долей правды ответила я.

– Когда человек живёт осознанно, только тогда он может быть свободным. Когда понимает, что нужно сделать то и то, когда берёт ответственность за свою жизнь.

– Я этого не понимаю. Ответственность уже на мне! Я априори несу ответственность за все свои поступки, за свой выбор... Если я делаю неправильный выбор, я несу за него наказание... Я и только я! Разве может быть как-то иначе?

– Ответственность – это обязанность человека отвечать за свои поступки и действия, а также их последствия. Отвечать! Понимаешь? И ответы должны быть достойными! Как есть уважительные причины и неуважительные...

– Вот этого я тоже не понимаю! – я снова перебила Асю. – Причина – это причина! Она опять же априори уважительная! Да, я знаю, что если ты проспал на учёбу или работу – это неуважительная причина, но с ней ведь тоже надо считаться!

– Ты ни черта не понимаешь. Я даже не знаю, стоит ли продолжать тебе объяснять... Ты ведь слышишь только себя...

– Ась... Ты же не права! Объясни! Я же честно говорю тебе, что да, я многого не понимаю в жизни...

– Первое. Ответственность – это осознание того, что качество жизни, уровень твоей успешности и самореализации зависят **ТОЛЬКО ОТ ТЕБЯ САМОГО!** Второе. Ответственность – это готовность выполнять все свои обещания, умение «держат слово». Третье. Это умение принимать решения не только за себя, но и за тех, кто от тебя тем или иным образом зависит. И четвёртое – это понимание **ПОСЛЕДСТВИЙ**, которые могут повлечь твои решения или действия. Хотя бы по одному пункту ты подходишь под определение «ответственный человек»?

После небольшой паузы я тихо ответила:

– Ты снова «пригвоздила меня к столбу»... Да, мне нечего ответить... Я... Это ужасно... – только и могла сказать я.

– Так вот безответственность мешает человеку стать свободной личностью! Ты зависима от внешнего, несмотря на то, что от этого внешнего «убежала»! Так что забудь

о применении слова «свобода» к себе! К тебе это не относится. Во взрослом мире не ходить на работу – не значит быть свободным, пойми. Это образ мышления только лишь детей. Но ты социально не созрела, и это печально. Ты не понимаешь свою необходимость заботиться о себе и о других.

И вот зачем ходить к психологам и отдавать безумные деньги за час болтовни, когда сейчас у нас все вокруг психологи?! Настоящие психологи, я сейчас серьёзно! Я общаюсь с психологами, я слушаю в интернете одних блогеров-психологов... Все стали такими умными... Почему же я, всю жизнь считая себя чуть ли не самой умной, оказалась на деле такой дурой, и потому неудачницей? Невероятно. Ответить Асе мне было нечего. Она была права на 100 процентов, да и даже если бы мне было что возразить, я этого делать не стала.

– Вообще я тебе звонила сказать, что мы с девчонками пойдём на один концерт в Дом Музыки, взяли недорогие билеты... Я подумала ещё предложить тебе...

– Ты же знаешь, что с твоими подругами я буду чувствовать себя некомфортно...

– Вот я и хотела вновь предложить тебе выйти из зоны комфорта... Но вижу, ты непробиваема... Не знаю, что тебе ещё сказать и кто сможет на тебя повлиять. Пока ты сама не захочешь изменить свою жизнь, ничего с места не сдвинется.

Ася как обычно была чертовски права. Мне стало ещё

грустнее. Такие разговоры не придают мне сил, никак не мотивируют меня, а наоборот, «прибавают» ещё больше к кровати. Жаль, что люди этого не понимают. Они, безусловно, всё говорят правильно, но только вот мне эта бесконечная теория, которую я уже давно выучила наизусть, никак не помогает. Какая у меня может быть мотивация? Её нет. Внутри давно ничего нет, я не чувствую себя живой. Да, я по-прежнему что-то чувствую... к сожалению, но я не хочу. Моё разочарование в жизни и в людях выключило мне мозг, отбросило все мои мечты и моё мнение о том, что я кому-то нужна в этом мире, что я что-то могу. После тех выводов насчёт меня, которые озвучила Ася, не хочется жить. Стыдно. Но исправиться не могу. Потому что у меня нет сил взять и поменять всё, и начать прямо сейчас. Нет сил, нет стимула. Мне не хотелось плакать, мне снова хотелось только одного – исчезнуть.

За время сна я вообще не отдохнула, и хоть прошло 9 часов, по моим ощущениям прошёл всего час. Вспоминая то, что мне снилось, я поняла, что мне приснился Эрик. Прокручивая свои сны, я вдруг ощутила острую необходимость сделать для себя что-то приятное, получить кайф, как я делала раньше, когда танцевала под любимую музыку, ела вкусную еду... или общалась с интересными мне людьми, или смотрела что-то смешное в интернете или по телевизору...

Как давно это было... когда я ещё Жила... и когда думала, что всё впереди, что у меня всё получится... Когда я точно знала о своём предназначении и когда мне было плевать на то, что на улице мороз и сугробы. Когда-то я даже радовалась снегу... Но это было в детстве, теперь же всё изменилось. Зная, что еды в холодильнике почти нет, я поняла, что гастрономический кайф мне недоступен, значит, надо искать другой кайф. Сериалы мне до жути надоели, одна и та же музыка тоже... Я вновь почувствовала безумную ограниченность, ту самую несвободу, о которой мне говорила Ася. Я действительно только сейчас осознала то, что нахожусь в тюрьме, в которой сама себя закрыла. Но как выбраться из неё, я пока не понимала. Единственная мысль, которая ненавязчиво крутилась в моей голове, была – написать Эрику. Но, конечно, я боялась. В тот момент я снова «загнала себя в угол» своей, как мне казалось, безвыходности, и решила, что у меня нет вариантов – я рискну. Я понимала, что, скорее всего, ждать ответа бессмысленно, поэтому написав ему, вышла из сети, сказав себе: «Не смей заходить туда раньше, чем через час! Нет, два!» Мне надо было занять себя чем-то, но как обычно мне ничего не хотелось. Я задала себе в очередной раз вопрос: «Почему я до сих живу?» и, в очередной раз не захотев получить на него ответ, я тупо уставилась в экран телефона, просматривая видео, которые мне были совершенно неинтересны. Через какое-то время позвонила мама, которая как всегда спросила, чем я занима-

юсь, в надежде получить чёткий ответ, который её порадовал бы. Мне пришлось сказать, что я работаю, что у меня всё в порядке, и попросить привезти мне еду. Мне хотелось, чтобы она приехала, чтобы хоть какое-то время провести с ней, пообщаться... Правда, мне рассказывать нечего, а она рассказывать о своей жизни мне ничего не будет. Но, возможно, мы посмотрим какой-то фильм вместе, а для меня это точно будет кайф. Она сказала, что заедет вечером, чему я была очень рада. Это стало для меня мотивацией встать с кровати, привести себя в порядок, натянуть на лицо улыбку. Сделать вид, что всё ещё не так плохо... Что «всё хорошо, хуже не будет», потому что хуже уже некуда.

Понимая, что при маме я не смогу зайти в интернет и переписываться, мне пришлось сделать выбор в пользу мамы и сказать себе твёрдое «нет» возможному общению в сети сегодняшним вечером. Это было очень трудно, но потом, когда приехала мама, мы стали общаться, а после смотреть кино, я забыла о том, что могло ждать меня в мировой «паутине». К сожалению, как только я отошла от мамы, память ко мне вернулась. Заходить в интернет мне было страшно в любом случае. Я боялась, что он не ответил, и дико волновалась, что ответил... а я ему ещё нет. В нервном состоянии я всё же открыла сообщения и увидела, что он ответил. Я не могла не написать ему, несмотря на позднее время и понимание того, что пообщаться сейчас нам уже не удастся. Однако через несколько минут он написал мне. Я удивилась тому, что

он не спит и, конечно, обрадовалась. Мы узнали друг у друга, как дела, как прошёл день, и в итоге разговор дошёл до того, что он пригласил меня в студию, где он работает в Москве. Это было очень неожиданно и приятно. Предлогом-поводом был показ этюда о девушке-художнице с психологическими проблемами, Эрик подумал, что мне это может быть интересно, и не ошибся. Я готова была прыгать от радости, но понимала, что мне надо сдерживать себя и что вообще нельзя радоваться раньше времени. Мы договорились о встрече, он написал адрес, куда нужно приехать, и пожелал спокойной ночи. Я не могла поверить в то, что это всё происходит в реальности. Наше общение продолжится, и я, кажется, была уже в предвкушении счастья от этого. Я не хотела в тот момент копаться в себе и анализировать, почему у меня такая реакция на всё, что связано с этим человеком... Хотя всё ведь и так было понятно... Я не хотела бояться, не хотела мечтать о чём-то, я хотела просто прожить то, что мне уготовила судьба, принять её «подарки» в виде общения с интересными для меня людьми, ведь это было так важно для меня.

Через день после нашей переписки и получения приглашения, я приехала в театральную студию на показ этюдов. Что такое «этюд» в актёрской профессии я до конца не понимала, и разбираться в этом мне не хотелось. Мне был интересен только один этюд и всё. Почти всё, что происходило тогда на сцене, мне не понравилось, я мало что понимала,

и этюд про художницу тоже оказался малоинтересным. Всё, что мне в нём запомнилось, это бездарно написанные картины под абстракционизм, которые служили частью интерьера, и то, как героиня после того, как выкурила сигарету, потушила её о собственную ладонь. Я поняла, что слишком далеко от актёрской профессии, и порадовалась этому, но Эрику я не могла сказать, что мне ничего не понравилось, к тому же многие этюды «ставил» он... или... не знаю, как правильно сказать... После окончания показа мне пришлось очень долго ждать, когда все уйдут из аудитории и мы, наконец, сможем остаться вдвоём. Но я набралась терпения и ждала, пока все наговорятся, обсудят увиденное, соберут вещи... Я ждала и ждала... Так, как всю жизнь чего-то жду... как жду Жизни в своём обыденном существовании. Я старалась не думать о том, как выгляжу со стороны, зачем сижу и жду и, главное, чего именно жду. Просто жду общения с Эриком. Просто жду момента, когда смогу к нему подойти, увидеть его глаза... сказать: «Привет» и улыбнуться.

Когда мы остались наедине, посмотрели друг в друга в глаза и начали говорить, я поняла, что хочу «впитывать» в себя каждый миг того, что происходит, наслаждаться этим моментом, проживать его... Просто потому что общение с этим человеком – это каждый раз увлекательное путешествие в глубины жизни, личности... себя... Когда он спросил, как мне показ, я ответила: «Интересно...», откровенно не зная, что сказать.

– Ты ничего не поняла? – спросил с небольшой улыбкой он.

– Ну... я поняла, что всё очень сложно, – ответила я со своим «фирменным» смешком.

– На самом деле я не просто так пригласил тебя посмотреть этюд про художницу. Ты... действительно не поняла?

– Что я должна была понять? – недоумевала я.

– А тебе никого она не напомнила? Героиня этого этюда.

– Ммм... – типа задумчиво промычала я.

– Это же ты. Героиня очень похожа на тебя.

– Интересно, чем же? – спросила я с лёгким недоверием.

– Она тоже мазохистка.

Это слово, которое он произнёс абсолютно спокойно, прозвучало для меня как гром среди ясного неба. Это неприятное слово я слышала в свой адрес только один раз, в глубокой юности, и оно всегда было для меня как серьёзное оскорбление, которое я уж точно не воспринимала всерьёз относительно себя. О чём он говорит? О каком мазохизме? С чего он это взял?

– Ты ведь тоже моральная мазохистка. Понимаешь, о чём я?

И до меня начало доходить. Он невероятно точно вскрыл рану во мне, ту самую, которую я не хотела никому показывать, которая болела до тех пор, но я делала вид, что не чувствую боли. «Нет, мне на самом деле плохо, я не делаю себе специально больно!» – хотела я кричать со слезами на гла-

зах, но ему я не посмела врать. Его слова были уже тогда для меня априори абсолютной правдой, с которой глупо спорить. И после этого начался мой поток рассказов о своей жизни, как мне казалось, бурной молодости и о том, почему всё в прошлом. Я не боялась открыться ему, как всегда будучи уверенной, что он меня прекрасно понимает. Я снова рассказывала малознакомому человеку историю своей жизни, историю своей боли, своих проблем. В какой-то момент мне хотелось расплакаться и кинуться ему в объятия, но я поняла, что это будет выглядеть слишком глупо, как было уже не раз в моей жизни. Но только то, что было и как было, сегодня уже неважно, важен лишь сам факт, что было в моей жизни именно так – глупо, некрасиво... и без продолжения. И я безумно боялась, что эта история закончится так же быстро и безвозвратно, как и все предыдущие мои истории отношений с кем-либо.

Я говорила и говорила, а он внимательно слушал с довольно серьёзным видом. Он ничему не удивлялся, не задавал много вопросов... просто слушал. И я была ему так благодарна за это. И в один момент, после двух с половиной часов моего, по сути, монолога... я вдруг поняла, что начала закрываться. Будто во мне началось какое-то сопротивление, отторжение... Будто я испугалась того, что мой мозг начнёт отключаться, я полностью перестану себя контролировать и опять натворю миллион непростительных глупостей. Я закрыла лицо руками.

– Тебе нужно попытаться разобраться в причинах твоего мазохизма. Ты много всего рассказала, но ты должна чётко понять для себя, что именно подтолкнуло тебя к такому поведению, почему тебе нравится страдать и издеваться над собой...

– Ты действительно считаешь, что мне это нравится? – чуть не плача, спросила я.

– Почитай в интернете о моральных мазохистах. Просто почитай, углубись в эту тему. Ты должна многое осознать, только после этого ты сможешь двигаться дальше.

После этого у нас возникло продолжительное молчание. Внутри меня всё кричало, но я просто сидела и смотрела в пол, не понимая, что происходит, и как долго это будет длиться. А мне хотелось, чтобы это длилось как можно дольше. Только бы он не уходил. Я заметила, как он посмотрел на часы. Внутри возникло волнение и неудобство. Мне стало стыдно, что я потратила столько его времени на себя, на рассказ о своей жизни. Мне хотелось извиниться, а затем стереть в его памяти то, что произошло. Но я не смогла этого сделать. Я не смогла сказать ничего кроме:

– Всё, уходи.

– А ты? – искренне не понял он.

– Я потом... чуть позже... я не могу... мне надо подумать... – с трудом выдавила из себя эти слова я. Внутри меня шло дикое сопротивление, внутренняя борьба и ещё много чего, что я была не в состоянии понять. Мне хотелось, что-

бы он скорее ушёл, только бы не смотреть на него, не говорить больше... не дать впустить в себя что-то лишнее, что я начинала чувствовать в себе. Я просто сидела и смотрела в пол. Когда он уже стоял в дверях, я обернулась. Он смотрел на меня. Во мне абсолютно резко проснулся нереальный порыв, которого я никак не могла от себя ожидать, и со словами: «Я всё-таки сделаю это!» я побежала к нему и обняла его. Так искренне, как никого за последнее время не обнимала! И это был самый прекрасный момент. Лучший! Это было что-то настолько поразительное и волшебное для меня! Будто какой-то луч вёл меня к нему, и мы пронзили друг друга этим лучом! Для меня это было нечто невероятное, фантастическое! Это были самые тёплые, самые искренние и самые настоящие объятия в моей жизни! Нас будто соединили высшие силы! Я не могла этому сопротивляться. То, что случилось, было логично. Я рада, что всё закончилось именно так.

Естественно, после всего того, что произошло, во мне бушевали сильнейшие эмоции, которые я долго не могла успокоить. Возвращаться в реальность, в которой мне надо было одеться, а затем ехать домой, конечно же, на метро, мне страшно не хотелось. Я сидела в своих мыслях со слезами на глазах, безрезультатно пытаюсь прийти в себя.

– Девушка, мне надо закрывать помещения, – сказал, напугав меня, охранник, который уже выключил свет в коридоре и нетерпеливо ждал, когда сможет выключить свет и за-

крыть и эту аудиторию.

– Да, я уже ухожу.

Я вытерла мокрый след от слезы на своей щеке и спешно начала собирать вещи. Меня снова грубо вернули в реальность. Я поняла, что надо срочно «просыпаться» и возвращаться из прекрасного, возвышенного и волшебного мира грёз в серую действительность.

Когда я приехала домой, ощущение тотального одиночества пронзило меня насквозь. Я не хочу и не могу поверить в то, что это всё реально, я с ума схожу от осознания того, что из себя представляет моя жизнь. Ведь так быть не должно! Я хочу жить... но не могу. Потому что рядом со мной никого нет, у меня нет никаких возможностей... к тому же целый ряд психологических проблем. Мне необходимо разобраться в себе, начинать нужно с себя, Эрик прав, но только... и заканчивать надо тоже собой. Надеяться на себя, ждать чего-то только от себя, если и менять кого-то, то снова только себя! Моя жизнь не меняется, потому что не меняюсь я! Я стою на месте уже много лет, но при этом жажду перемен! Я не думала, что так будет, я всегда была уверена, что в жизни всё время что-то происходит, какие-то изменения, ведь время не стоит на месте... Но только если стоишь на месте ты, то и твоя жизнь будет похожа на день сурка, и надеяться на случай нельзя. «Измени своё сознание, тогда изменится твоя жизнь» – говорили мне многие. Я всё понимаю, это правильно, но я не могу. Не хватает мотивации, не хватает

силы воли... К тому же, я же мазохистка, наверняка, Эрик прав. Надо будет почитать о мазохистах, интересно. Но пока все мои мысли были о нём... Он сегодня, когда сидел напротив меня, был таким красивым, как никогда. Он был совершенен! Я не смотрела постоянно на него, а вот он пристально смотрел на меня своим магическим взглядом... Как же хорошо, что он не мой типаж! Нет, я не влюблена в него как в мужчину, нет. Он просто... удивительный человек. Честный, лёгкий, открытый. Но мне не нужно ВПУСКАТЬ его в своё сердце... чтобы потом не было тяжело и больно отпускать. Не держаться за него, нет, я не должна! Я не должна что-либо требовать от него, чего-то ждать. Не должна бояться потерять... Я должна быть по-настоящему свободной. Но только как..? Я несчастна, всю жизнь зависима от кого-то и чего-то... Как же мне стать полноценной личностью, будучи одной, будучи невостребованной, никому не нужной? Да это невозможно! И доказать людям, что я чего-то стою, что достойна быть счастливой, я тоже не могу, ведь у меня нет жизненных сил, нет желания жить, нет мотивации... Не хочу верить, что это всё происходит со мной. Что ни я никому не нужна, ни мои картины... И ему, Эрику, я ведь тоже не нужна. Он просто порядочный человек, мудрый, правильный... Но ему по большому счёту тоже всё равно на меня и мою судьбу. У всех своя жизнь... А у меня своей нет. Есть только огромный мир, мой внутренний, как мне всегда казалось, богатый мир, который опять же интересен только мне.

Как же так? Пройти столько всего в жизни, быть среди людей... и остаться одной... Я могу начать меняться, но только если кто-то будет заинтересован в этом, будет помогать, что-то вкладывать в меня... А иначе зачем? Нет стимула доказывать что-то самой себе и только себе, надоело. Я так хочу, чтобы Эрик дал мне эту возможность, взял мои изменения под свой контроль, и тогда, для него и ради него я буду меняться, да, я это знаю точно! Но если он меня оставит... Нет, я не хочу обо всём этом думать! Я должна думать о себе и только о себе. Правда, я до жути себе надоела, я хочу к людям, но только к тем, кто меня поймёт и примет... А таких нет, идти мне некуда. Лучше бы я не ездила в эту студию, не общалась с ним. Ведь общение с людьми для меня как наркотик – я хочу ещё и ещё. Хорошего всегда так мало, невероятно мало. Я пытаюсь зацепиться за это хорошее, изо всех сил продлить эти моменты Жизни... но ничего не выходит, время летит вперёд. И сколько бы я ни спала, заполнить остальное время моей серой реальности нечем, да я и не хочу. Зачем делать что-то только ради себя, когда никто не видит, никто в тебе не нуждается, ты не можешь быть полезной для людей? Какой смысл жить? Интересно, что на самом деле думает обо мне Эрик... Скорее всего он считает меня ненормальной, как и многие, хотя мне казалось, что он меня отлично понимает... А для меня это так важно, чтобы меня понимали... Я пыталась сдерживать свои слёзы, но вскоре всё же позволила себе проплакаться. Хотелось позвонить

Асе, но была уже глубокая ночь, и я снова ударилась о жестокую «стену» невозможности. Повсюду эти стены, выхода я не вижу, лично для меня его, видимо, просто нет.

На следующий день я проснулась как никогда с ощущением лёгкости, даже бодрости, с желанием встать с кровати и жить. Для меня это уже давно очень редкое явление, но обычно такое, конечно же, бывает под влиянием каких-то обстоятельств. Разговор с Эриком, безусловно, повлиял на меня, мне казалось, что я даже дышать начала по-другому, что по-иному начала ощущать жизнь. Мне захотелось погулять, послушать музыку, как я обычно делаю на улице, подумать, возможно, увидеть что-то новое. Когда я вышла на улицу, мне пришла в голову мысль сделать пробежку, несмотря на холодный воздух. Такое со мной случается обычно пару раз в год, исключительно летом, но тот раз был нетипичным во всех смыслах. Меня, а точнее, моего энтузиазма, хватило ненадолго. И тут я вспомнила, что прочитала перед прогулкой в интернете: «Когда мазохист пытается быть активным, это часто, если не всегда, оканчивается провалом». Это было ещё одно подтверждение правильности выводов Эрика, а перед этим был ещё целый ряд фактов, которые помогли мне удостовериться в том, что я являюсь моральным мазохистом. К примеру, «выставляемое напоказ „молчаливое размышление“ является одним из признаков

такого человека». Когда я прочитала это, я перестала чувствовать свои ноги. Такое случается, когда я слишком сильно волнуюсь или что-то остро чувствую... Или «в комнате полно народа, все шумят и веселятся, а он молчаливо сидит в стороне, якобы думу думает». Я так делаю всю жизнь, находясь в обществе! Я была в невероятном шоке от того, насколько точно, говоря о мазохистах по жизни, описали меня! Я не могла поверить! Я не хотела в это верить! «При общении с ним создаётся впечатление, что тебя засасывает в трясины». Не хочу думать об этом, но уверена, что есть такое ощущение у других, когда они со мной общаются. Страшно не хочется это осознавать! «Он вечно скулит и жалуется на свою несчастную жизнь. Делает он это мастерски». Да, это я, в точку! И причём я ведь далеко не всегда понимаю, как это выглядит со стороны, я не думаю об этом. Я думаю только о том, как выплеснуть свои негативные мысли. «Внутри присутствуют чувства отрицания, враждебности, превосходства над другими и страха, что он может взорваться в неистовом гневе» – точно! Внутри меня часто кипят такие сильные эмоции, но я пытаюсь сдерживаться, никак не проявлять свои эмоции при чужих людях. Это нормально, но только иногда меня это очень сильно напрягает. И итог, который меня поразило ещё больше: «Мазохисты – очень утончённые личности». Это поставило точку в моих сомнениях. Я была поражена всем, и, конечно, тем, как Эрик смог сразу это увидеть, «прочитать» во мне. Или... это видели все, просто не гово-

рили мне?.. Ведь я – «открытая книга» для всех, можно даже не всегда открывать рот, моё поведение, «язык» моего тела скажут всё за меня. Но признаюсь, я не думала, что рядом со мной находятся умные люди, которые всё чувствуют, всё правильно «считывают», более того, я считала большую часть своего окружения глупыми, «приземлёнными», а себя такой возвышенной и талантливой. Но потом жизнь начала показывать мне меня. И показывает сейчас. Интересно открывать себя заново, изучать... только вот... часто это так неприятно. Так не хочется смотреть внутрь себя и видеть там столько некрасивого, постыдного и неинтересного. Как я могу полюбить себя, видя что я на самом деле отвратительна? Что это «зеркало» показывает мне какую-то уродливую картинку, в которой я с трудом могу узнать себя. Это как с портретом Дориана Грея, который превращался в из прекрасного в ужасный – до такой степени жуткий, что в нём невозможно было узнать прежнего Дориана. Я не казалась себе совершенной, но и никогда не казалась страшной внутренне. А теперь... я не понимаю, как мне жить с осознанием всего, что я уже знаю о себе. Это слишком трудно! И даже если я разберусь в причинах своего мазохизма, как посоветовал Эрик, я же всё равно не смогу стереть своё ужасное прошлое, в котором было столько всего неприятного и неправильного, столько ошибок, столько того, о чём я уже жалею. А я очень боялась жалеть о чём-либо! И вот и это случилось. Я жалею. Сейчас жалею о всей своей жизни, ведь я всё сделала непра-

вильно, раз теперь в моей реальности ничего нет.

Вернувшись домой, я с лёгкостью села за работу, поймав себя на мысли, что силы взялись из ниоткуда. Я сказала себе: «Хватит думать, довольно! Дай мозгу отдохнуть!» Но как только я начала писать, поток мыслей снова накрыл мой мозг. Так бывает часто, когда я сижу за мольбертом, и мне это очень не нравится. Я решила включить какие-то «разговорные» видео в интернете, чтобы послушать других людей и остановить ход своих мыслей. Я нажала случайным образом на изображение и сразу же услышала то, что будто было адресовано лично мне! „Часто мы говорим: „У меня никогда не получится, у меня никогда не будет больших денег, никогда, никогда...“ Моё сознание было подростковым, я была обидчива, категорична, будучи уже взрослой. И вот я ещё в детстве поняла, что если я скажу: „У меня никогда не будет этой игрушки“, и буквально через неделю у меня была новая игрушка“, я говорила: „У меня никогда не будет этой работы“, и она вскоре появилась и так далее. И я поняла, что эта формула „Никогда“ у меня работает, она приводит к конечной цели. А потом мне сказали, что это чисто детская формула. Она эффективная, но недолгосрочная, как карета у Золушки, которая после 12-ти превратилась в тыкву. Я ничего из того, что получила, не смогла удержать». Я уже сидела в диком шоке после того, как это услышала! И прильнула к экрану: «Когда живёшь на положительных вибрациях и говоришь: „У меня всё получится“ – это труд! Но это работа-

ет и остаётся в твоей жизни! Ты не просыпаешь свои достижения сквозь пальцы как песок, а ты их держишь в кулаке, работая и вкладывая свои силы в то, что делаешь». Снова прямое попадание! Я столько лет говорила: «У меня не получится», «У меня не будет» и верила в то, что эти слова сработают в обратном смысле, как это когда-то, несколько раз было в детстве! И мне были даны возможности, знакомства с нужными людьми, но я этим не воспользовалась. Всё так быстро ушло! Просто поразительно! Я знаю, что за всем в этой жизни стоит труд. За счастьем, благополучием, богатством всегда стоит труд. А я ненавижу это слово. Я никогда не хотела трудиться! Я хотела рисовать! А ведь писать картины – для меня это не значит трудиться, это просто дело, хобби, увлечение, которое всегда приносило и по сей день приносит мне удовольствие. А оказывается, что в этой жизни трудиться надо прежде всего над собой, над своей душой, необходимо так много работать, не жалея себя! Признаться честно, я начала задумываться об этом, как мне кажется, слишком поздно. Я разочаровалась прежде всего в самой себе, разочаровалась страшно! И опустила руки в надежде на то, что кто-то придёт и их поднимет. И цеплялась за всех людей, кто появлялся на «горизонте» в моей жизни, открывалась всем, надеялась на помощь. А потом разочаровалась и в людях. Я не хочу так же разочароваться в Эрике. А чтобы не быть разочарованной, не нужно ни от кого чего-то ждать, вот в чём смысл. Но я не могу не ждать, точно как и не мо-

гу не надеяться. Ведь я всё ещё жива. А пока я жива, жива и надежда, она всегда внутри, она наш главный мотиватор во всех начинаниях, без неё невозможно жить.

Когда мне стало слишком грустно, я поняла, что мне необходимо кому-то позвонить, но только звонить мне особо было некому. Говорить маме, как мне грустно и плохо, я точно не хотела, к тому же она начала бы снова читать мне лекцию на тему того, что я сама виновата во всём, Ася рано ложится... Оставалась Ната, говорить с которой мне зачастую не приносит никакого удовольствия, но в такой ситуации, которая сложилась, я была готова позвонить кому угодно. Когда я звоню кому-либо, я всегда волнуюсь, ведь я не знаю, чем человек занимается в данный момент, где он, я боюсь, что он не сможет разговаривать, боюсь, что скажет, что занят, ему не до меня. В такие моменты я чувствую себя полнейшей идиоткой, которая боится быть отвергнутой и при этом всегда такой оказывается.

– Ой, слушай, мне сейчас не до болтовни, я вообще не в Москве, я срочно уехала к родителям, тут проблемы... Я напишу тебе, как смогу, – быстро ответила Натка.

Вот снова ситуация, которая меня бесит всю жизнь. У всех есть семьи, у всех куча дел, куча родственников. А у меня никогда не было семьи. Я всегда была одна, ведь мама целыми днями работала, чтобы у нас тупо была еда и одежда. Отцу наплевать на меня, я для него никто, мамины родители умерли ещё до моего рождения. Но суть в том, что из всех

моих знакомых такой жизненной ситуации нет ни у кого. Да, у меня есть тётка, мамина сестра, которая нас ненавидит, как и ненавидит всех, был дядя, мамин двоюродный брат, который умер, есть двоюродный дедушка и так далее, но мы ни с кем не поддерживаем отношения. Всё, что у меня есть в этой жизни – мама, моя комната, мои работы. Всё! Ну и пара подписчиков в соцсетях, которые, если я исчезну, обо мне даже не вспомнят. Ещё есть художественное образование, которое никому не нужно кроме меня. Да и мне эта бумажка под названием «диплом» не нужна, я просто хотела рисовать и рисовать красиво.

Я с трудом сдерживалась, чтобы не зайти в сеть и не посмотреть, не написал ли мне Эрик. Я даже не думала о том, почему он должен мне писать, мне просто хотелось, чтобы так случилось. Но, конечно же, никаких сообщений не было. Я снова подумала о том, что моё существование абсурдно и бессмысленно. Захотелось напиться, но потом я вспомнила, что напиваться в гордом одиночестве, когда рядом нет подруги, некруто, и просто решила посмотреть сериал перед сном. Все сериалы о любви мне надоели, поэтому я стала тупо, не вдумываясь в детали сюжета, смотреть детективы, где любовная линия выражена неярко. Этот жанр я любила всегда: с раннего детства смотрела детективные сериалы, читала книги Донцовой и Устиновой, которые любила и моя мама, хотела так же копаться в подробностях жизни других, раскрывать преступления. И только недавно я поняла, что де-

тективы сказочнее романтических мелодрам, ведь в реальности в полиции вообще никто работать не хочет, по крайней мере честно, да и частные детективы тоже работают только за большие деньги, к тому же они все мужчины, женщина в принципе не может стать главным сыщиком, но во всех сериалах и книгах главные, самые талантливые и самые уважаемые следователи – исключительно женщины. Просто поразительно! Кино – это не наша действительность, это понятно, но когда оно так далеко от истины, это тоже не очень хорошо, грустно от этого. Когда я с полузакрытыми глазами досматривала серию, мне пришло смс, которое меня напугало. «Привет, как ты? Может, встретимся завтра вечером, погуляем? Тебе же наверняка есть что мне рассказать...» – написал Эрик. Я была приятно шокирована этим сообщением, на которое сразу же ответила: «Да, давай! Во сколько и где?» Мы договорились встретиться на Крымском мосту, пройтись вдоль реки. Я уже представляла, какой там будет ледяной ветер, но понимала, что придётся потерпеть, если я хочу с ним встретиться. Да и вообще у меня просто нет выхода – мне всю жизнь приходится терпеть этот безумный климат, в котором невозможно жить. Как было хорошо, когда я не знала, что во всех странах кроме нашей почти всегда либо тепло, либо жарко! До сих пор не хочу в это верить, мысли о вечной жизни в вечном холоде сводят меня с ума. Я понимаю, что так не должно быть, чтобы люди жили в постоянном дискомфорте, который ещё и опасен для здоровья, но почему-то

Господь поселил миллионы людей в место, непригодное для жизни.

Я долго не могла заснуть и начала думать об Эрике. Я видела его перед собой, вспоминала отдельные моменты... Я подумала о том, что не ценю в должной мере то, что между нами было... Но я понимаю, что специально не погружаюсь в это. Это правильно. Углубляться в свои мысли, фантазии, мечты мне нельзя, но я, тем не менее, всё чувствую... И это большая проблема.

Мне снова снился ужасный сон про то, как моей маме было очень плохо, она попала в больницу, мучилась, а я плакала. В очередной раз было страшно, вновь, проснувшись, я подумала: «Слава Богу, что это всё сон. Всё прошло, забудь об этом». Мне уже снилось миллион снов о том, что с моей мамой что-то случилось, либо она пропала, либо ещё что-то страшное мне транслирует мой мозг и выдаёт в виде, как кажется, реальных ситуаций, которые на самом деле нереальны. Мозг человека – самое уникальное, что есть в этой жизни. В своих снах я видела, как моя мама утопает в песке, в море, как уезжает в неизвестность. Море с огромными волнами (на которых сёрферы катаются, или как они говорят, «покоряют») мне снится регулярно. А некоторое время назад мне чуть ли не через день снились падающие самолёты. Это казалось мне удивительным, ведь у меня нет аэрофобии,

и я не вижу с экрана, как падают самолёты, я вообще видела это исключительно в своих сновидениях. Когда я последний раз была в самолёте, я уже не могу вспомнить, да и не хочу. Это осталось в прошлом, как и очень многое в моей жизни.

При том, что у меня по сути не было никаких дел, я их себе легко нашла и в итоге как всегда опоздала на встречу с Эриком, который как минимум полчаса, а, возможно, и час ждал меня на мосту. Извиняться и объяснять причину опоздания, которую надо было ещё и придумать, мне было неудобно. Я не знала, как себя повести и что сказать. Единственным вариантом было ляпнуть, что мои часы отстают или неожиданно сломались, хотя это было бы слишком неправдоподобно. К тому же Эрик, по-моему, всё про меня понял, и оправдываться, тем более лгать, было точно ни к чему. Мы пошли на набережную, по которой я гуляла уже слишком много раз и которую не сильно ненавидела, но и приятных чувств уже давно не испытывала, тем более в такое холодное время. Как обычно разговор начался по сути ни о чём: я начала спрашивать его о работе, делать вид, что мне интересно, чем он занимается в студии, какие спектакли они готовят и чем вообще занимаются люди в театральных студиях. Рассказ Эрика об этом занял достаточно времени, после чего он, наконец, спросил, пыталась ли я разобраться в причинах своего мазохизма. Я сказала, что прочитала об этом в интернете, увидела, что очень похожа на типичного морального мазохиста, но вот до копания в глу-

бинах того, что могло бы быть причинами этого явления, не дошло.

– Ты не хочешь об этом думать? Почему? Почему у тебя идёт внутреннее сопротивление? – спросил он.

– Я, честно, не знаю. Понятно, что причины – в детстве. Наверное, я выбрала для себя такую модель поведения... Бо-
ялась, что мне кто-то сделает больно, защищала себя от боли...

– Или хотела привлечь внимание... – сказал за меня Эрик.

– Ну да, не буду отрицать. Ну нравился мне такой образ!

– Так ты пойми, это не образ, это, как ты правильно сказала, модель поведения по жизни. И эта модель не приведёт ни к чему хорошему. Сейчас тем, кто сам из себя сделал жертву, не помогают. Тебя никто не будет жалеть, не будет пытаться понять. Сейчас в тренде саморазвитие и вообще всё с приставкой «само», пойми.

– Да я поняла это уже. Каждый сам за себя. Только я это не принимаю, у меня другие принципы.

– Жизнь диктует свои условия, свои законы. Чем дольше ты их не будешь принимать, тем хуже будет для тебя.

– И что мне теперь делать? Взять и по щелчку изменить своё сознание?

– Менять постепенно.

– А ты? Тебе приходилось менять своё сознание? – задала
я ему реально интересующий меня вопрос.

– Конечно, по мере взросления и понимания многих жиз-

ненных процессов мне приходилось меняться, подстраиваться, учиться чувствовать и понимать других людей, учиться жить по законам социума. В нём каждый сам за себя, но при этом подстраивается под других, настраивается на взаимодействие с каждым. Не представляю, что со мной было бы, если б я решил уйти от людей, изолироваться в своей квартире и просто творить. Это бессмысленно и непродуктивно. Люди – самая мощная духовная и творческая подпитка. Мне интересно работать с людьми, интересно их изучать.

– Я заметила, – с лёгкой улыбкой сказала я.

– Ладно, я не могу уже видеть, как ты дрожишь от холода. Блин, почти все кафе уже закрылись, – сказал он, глядя на экран своего телефона, – надо бы двигаться в сторону дома тогда. Давай я тебя провожу. Сколько нам ехать на метро?

– Минут 20—25, но от метро ещё идти, – обречённо сказала я.

По дороге мы говорили о том, как изменился город за последние годы, чем Москва отличается от Петербурга, о ценах, расстояниях, временных рамках и русском менталитете. Я снова чувствовала себя дурой и много слушала его, так как понимала – что бы я ни сказала о себе, всё будет звучать глупо и посредственно. Когда мы уже были недалеко от моего дома, я как обычно в такой момент принялась рассказывать Эрику про чуть ли не каждое здание, которое мы проходили. Говорила о том, что для меня значит то или иное место, дорога, что связано с каждым домом, и мне хотелось

думать, что ему это интересно. Когда мы подошли к моему подъезду, я уже приготовилась прощаться, хоть и безумно не хотела это делать.

– Пустишь меня к себе? Я хотел бы посмотреть твои работы, про которые ты мне говорила, – произнёс Эрик.

– Ты... не видел их фото в интернете?

– Во-первых, фото – это не то, а во-вторых, там же есть далеко не все работы, как я понимаю.

– Но и дома у меня есть далеко не все. Но если ты так хочешь, я, конечно, не против, – сказала я абсолютно равнодушно, но внутри у меня волнение перемешивалось с радостью, как всегда бывало в подобных ситуациях, когда кто-то интересовался мной, моими работами и вообще моей жизни. У меня дома, конечно, слишком давно не было гостей, к тому же мне уже давно стыдно приглашать кого-то в малюсенькую квартирку, построенную, очевидно, для гномов. Но в этот раз, я не могла отказать. К счастью, я свободный человек в том плане, что большую часть времени нахожусь дома одна и могу делать там всё, что захочу и, соответственно, приводить того, кого захочу.

Как гостеприимная хозяйка я сделала Эрику чай, достала из холодильника немного приличной еды, сделала несколько бутербродов. Сыграла роль порядочного и хозяйственного человека, хотя мне было в тот момент точно не до каких-либо дел на кухне. Я хотела находиться с Эриком, пока он рассматривал мои картины, видеть его реакцию. Позже, когда

мы перешли в комнату, Эрик спросил:

– Ты пишешь только акрилом?

– Да, ненавижу запах масла, поэтому работаю акрилом. Но он тоже меня бесит, особенно наш, питерский. С «Амстердамом» не сравнить, особенно в плане тубиков. И смешивать краски я не люблю, и многие багеты меня раздражают...

– Как ты работаешь при всём этом?

– Как-то... Мне нравится то, что получается в итоге. Ну и сам процесс тоже иногда нравится, – ответила я, не уточнив, что процесс для меня на самом деле очень важен, и от него я тоже часто получаю удовольствие.

– Ты считаешь свои работы гениальными?

– Я думаю, все считают свои работы шедевральными или как минимум качественными. Без уверенности в себе невозможно что-либо делать... Как можно выполнять работу, думая, что это в итоге плохо, бездарно, некрасиво и неинтересно? Любой повар считает блюдо, которое он приготовил, прекрасным, писатель считает свои книги интересными и так далее...

– А как же рост, саморазвитие?..

– Лично я вижу, что я улучшаю в своих работах многое со временем. Это само получается. Я вижу свои недостатки и сама над ними работаю. Мне уже не нужен взгляд со стороны, – смело и честно ответила я.

– Не любишь принимать критику? – с тенью улыбки спро-

сил Эрик.

– А кто-то любит? – отбила подачу я с насмешкой. – Мне хватило критики в институте. А сейчас мне достаточно того, что я сама себя критикую...

– Вот в этом и проблема... – многозначно произнёс он.

В тот момент я не стала углубляться в то, почему моя самокритика является проблемой, но спустя некоторое время наш разговор стал меня по-настоящему напрягать. Я не понимала, что происходит и почему я начинаю терять самоконтроль и говорить на повышенных вибрациях.

– Ты живёшь в позиции жертвы, – Эрик произнёс фразу, которую я слышала в свой адрес уже достаточно много раз, особенно за последнее время.

– Так я и есть жертва! – не выдержала я, – Жертва обстоятельств, жертва человеческих отношений, жертва жизни!

Я вспыхнула, но у меня были основания сказать всё честно, как есть. Я не понимала, почему все мне навязывают то, что я якобы живу в «позиции» жертвы, то есть на самом деле жертвой я не являюсь. Но ведь это не так! Мне ужасно больно это признавать, осознавать, но мне так надоело себя обманывать! Я не хочу больше думать, что всё не так плохо, всё в порядке и всё то, что случилось со мной, это не худшее, что может произойти. Да нет, это не так, это именно из разряда худшего, по крайней мере в моей жизни, в которой точно всё должно было сложиться иначе.

Я начала эмоционировать, а Эрик как всегда был абсолют-

но спокоен.

– Ты должна перестать сравнивать себя с другими, сравнивать своё настоящее с прошлым и с альтернативным настоящим. Ты не должна думать, как могло бы быть и как должно было быть! Нужно жить настоящим и в настоящем! У тебя есть только этот миг, и это реальный шанс начать менять свою жизнь! Есть только «сегодня»!

– А может быть, хватит говорить мне, что я должна? – искренне выпалила на эмоциях я. – Все вокруг такие умные, такие правильные, такие сильные, такие порядочные... Абсолютно все! А я одна такая дура, такая нереальная идиотка, которая застряла в детстве, не смогла выбраться из ямы, и поэтому меня надо осуждать! – неожиданно для самой себя я перестала контролировать поток своих слов и вывалила на Эрика всю свою злость на других людей, но не на него...

– Я не считаю тебя дурой и не осуждаю. Это просто советы. Поверь, я делаю это искренне. Но ты должна... ммм – запнулся Эрик. – Было бы хорошо, если бы ты поняла, что помочь себе можешь только ты. Другие тоже могут помочь, но без твоего желания изменить себя и свою жизнь, все старания других будут неэффективны.

– Мне не нужно цитировать психологов! – озлобленно сказала я.

– Ладно, я, наверное, пойду. Спасибо за чай и... провожать меня не надо.

Как только закрылась дверь, я легла на пол, не чувствуя

ног, не чувствуя слёз, которые хаотично текли по моему лицу. Я ненавидела себя в тот момент как никогда. Ненавидела жизнь. Ненавидела всё и всех. Мне хотелось разорвать себя в клочья и стереть у всех своих знакомых память обо мне. Я надеялась просто отключиться прямо на полу, но, конечно же, этого не произошло. Я понимала, что наступил страшный момент: мне снова больно и одиноко, всё снова закончилось плохо, и я не представляю, что будет дальше. Но я знала, что мне предстоит пережить это, и забыть всё то, что было, никак не получится.

Последующие дни слились для меня в один даже не день, а момент. Момент, когда я лежала в кровати, лишь изредка вставая, чтобы поддерживать хоть какую-то жизнедеятельность, думала о себе, о нём, о том, что было и вообще в целом о жизни. Я уговаривала себя, убеждала не злиться на него, не обижаться, как и не держать обиды на всех людей, кто мне говорил правду. Я накручивала себя всё больше и больше, порой удивляясь, как мой мозг всё это выдерживает. Я уставала, засыпала, и как только просыпалась, снова начинала активно думать сразу обо всём. Освободить свою голову от тяжёлых мыслей никак не получалось. Я прокручивала внутри себя то, что было с Эриком, я думала о себе и думала о нём. Настойчиво пыталась обмануть себя. Я анализировала его личность несколько раз. Понимала, что он очень умный,

он лёгкий в общении, любит животных (пару раз я замечала, как он нежно смотрел на собачку одной его ученицы в студии), серьёзно относится к своей работе, у него добрая улыбка. Мне не нравится, что он курит, но я вроде спокойно это принимаю в нём... За это можно зацепиться, но я не хочу. Это сейчас не столь важно. Важно то, что мне нужно найти поддержку, помощь... Я хочу ему открываться! Несмотря ни на что... Я хочу, наконец, решать свои проблемы с кем-то, а не с самой собой. Я увидела свет в нём. И за это мне надо зацепиться и помнить об этом всегда. Что в этом человеке есть свет. Это так важно для меня, но, находясь в «пелене» своего эгоизма и мазохизма, я могу об этом забыть.

То, что произошло у меня с Эриком, задело все «струны» моей души. Я безумно боялась, что мы больше не увидимся, что всех этих долгих разговоров больше не будет. Я не хотела отдавать себе отчёт в том, что я снова стала зависима от человека. Я не могла признать, что эта зависимость возникла уже давно, после первой встречи... Я как голодный волк готова была наброситься на человека, в чьих глазах увидела понимание и интерес к своей персоне. Я нуждалась в нём каждую минуту, я ждала его сообщения или звонка, но отказывалась честно сказать себе, что мне уже больно, потому что он уже не со мной. В один вечер, когда ко мне приехала мама, и мне снова пришлось играть роль, что у меня всё в порядке, что я пишу, что общаюсь с подругами и каждый день гуляю, я стояла под душем, и Боль вырывалась из ме-

ня. У меня случилась настоящая истерика, меня прорвало. Я рыдала и понимала, что не могу это остановить... и... будто не понимала причину этого.

Эрик написал мне на следующий день после того, что произошло у меня дома: «Извини, если обидел тебя, сделал больно. Я не преследовал такую цель». Когда я прочитала это сообщение, я была настолько опустошена, что даже не смогла ему ничего ответить. Видимо, знала, что если отвечу, снова начнётся какая-то переписка, ведь кратко отвечать я не умею. Потом через несколько дней я всё же решилась написать ему. Я спросила, сможем ли мы встретиться в ближайшие дни, сказав, что мне очень нужно и важно с ним поговорить, но он ответил, что пока не может. И именно это стало тем самым «спусковым крючком», «контрольным выстрелом», после которого мне становилось всё хуже. Я не хотела понимать, что разговоры с ним за столь короткое время стали наркотиком для меня, страшной зависимостью, без которой я не представляла жизни. Мне не нужно было ничего кроме его внимания, его слов, его взгляда. Меня трясло от мыслей о том, что всё закончилось и закончилось навсегда. Мне становилось больнее день ото дня.

Я так сильно чувствую боль, я задыхаюсь от неё, растворяюсь в ней. Я должна была как-то пытаться себя спасти. Сама. В полном одиночестве. Мой разум говорил мне, а порой даже кричал: «Забей блин!» И я понимала, что надо просто забыть всё, что было связано с ним, и продолжать спокойно

жить. А не холить и лелеять воспоминания наших разговоров, которым, как я была почти уверена, не суждено уже никогда повториться. Я говорила это себе, стараясь не погружаться в боль от страха того, что это может оказаться правдой. Я внушала себе: «Я не хочу его ненавидеть за то, что он не уделяет мне много времени... И не хочу относиться к нему по-особенному, как к „ангелу“. Я хочу относиться к нему нейтрально. По сути, безразлично. А ещё лучше вообще забыть. Всё! Но только не мучиться больше от этой безумной боли, которая сжирает меня изнутри! Я не буду бегать за ним! Надо отцепляться от него. Конец. Я не хочу быть навязчивой тупицей, всё, хватит! Я всё поняла. Я ему неинтересна! К тому же мои проблемы в общении с такими людьми как Эрик вылезают просто под увеличительное стекло! Надоело.» И так я говорила себе довольно часто за те долгие и мучительные для меня дни.

В один из тех дней я пришла к Асе, которая, к счастью для меня и несчастью для неё, жила в соседнем доме.

– Ася, я так схожу с ума! – почти прокричала я с порога со слезами на глазах, в которых было полно отчаяния и вселенской печали.

– Давно этого не было... И вот снова... – явно не обрадовавшись, произнесла подруга.

Я рассказала Асе всю историю, которая у меня на тот момент произошла с Эриком, как я постоянно думаю о нём и о том, что он, по всей видимости, встречаться и общаться

со мной больше не хочет.

– Ну так это и понятно, почему он может не хотеть продолжать общение с тобой! Ты снова загрузила малознакомого человека своими проблемами, да ещё и повысила голос, предъявила претензии... и хочешь, чтобы он после этого как ни в чём ни бывало продолжил с тобой встречаться и часами выслушивать твои монологи?! – довольно эмоционально сказала Ася.

– Ну почему всё так сложно?! В жизни, в человеческих взаимоотношениях... Почему невозможно многое исправить, ну почему? Я не могу вернуть хорошее отношение ко мне многих людей, я навсегда его испортила! Всё себе испортила, всю жизнь! Я ненавижу себя! – прокричала я и вновь зарыдала.

– А что ты хочешь от меня? Я не могу повлиять на чужих людей, я не могу, да и никто не может, пойми, заставить человека что-то делать! Только ты сама можешь на него повлиять... Или могла...

– Нет, нет, я не хочу, чтобы это всё осталось в прошлом! Я не хочу, чтобы это так быстро заканчивалось! Я просто не могу этого допустить! Столько людей так быстро ушли из моей жизни, со столькими людьми я не договорила, столько всего упустила, потеряла... – слёзы мешали мне в тот момент не только видеть, но и, кажется, слышать. Я утонула в своей боли, я ударялась о «стены» безысходности и не могла увидеть свет, хотя мне казалось, что так хотела... Тогда

мне никто не мог помочь, но я снова не хотела это понимать.

Время шло, и с каждым днём я убеждалась в том, что это конец. И каждый день я задавала себе вопрос: «Зачем это всё было? Зачем этот человек появился в моей жизни?! Неужели снова всё было бессмысленно?! Я устала от бессмысленности в своей жизни!» Каждый день я плакала, каждый день думала, что пора уходить из жизни, но ударялась о невозможность сделать это. Моральную невозможность. Я не имею на это морального права. Не имею права уйти из жизни раньше мамы. Я это всегда понимала, но столько раз хотела наплевать на это. Было невыносимо плохо. Я вставала каждый день просто, чтобы тупо существовать дальше, чтобы плакать, чтобы всё больше ненавидеть жизнь. В один из таких пустых дней мне пришлось поехать в центр города, чтобы отдать заказчику свою работу – летний пейзаж на хосте небольшого размера. Конечно же, летний... Было как всегда невыносимо холодно и ветрено, я не чувствовала на себе одежды, не чувствовала, что уши закрывает шапка, а шею шарф... Их будто не было! Будто на мне не было толстых колгот, джинсов, пальто... Я невероятно замёрзла и, когда шла домой (дорога домой показалась мне вечностью!), готова была остановиться и зарыдать. Сил идти навстречу ледяному ветру просто не было. Я ездила ради того, чтобы просто отдать свою работу, за которую получила столько, сколько мне

хватит на всего один поход в продуктовый, далеко не самый дорогой, магазин. Я могла бы купить себе на эти деньги любимый сыр, маленькую баночку самой дешёвой икры и любимый заграничный соус. И только! Когда я вернулась домой, мне было настолько плохо, что я быстро сняла пальто и обувь, бросив всё на пол, и, войдя в комнату, рухнула на диван, закрыв голову подушкой... и беззвучно горько заплакала. Я понимала, что не могу жить в этом городе. Даже просто существовать, не то что бы каждый день ездить на работу, преодолевая безумные расстояния пешком и тратя 3 часа своей жизни каждый день на то, чтобы выдерживать весь этот ужас дороги в Москве. Я так устала!!! Мне не суждено уехать отсюда навсегда, мне не суждено стать известной и богатой, мне не суждено... стать счастливой. Какой смысл жить? Я не могла его увидеть, не могла его себе придумать. Ведь смысл жизни не может заключаться в вечном страдании! Я убеждена, что один из смыслов этой жизни – быть счастливым! Это архиважно! Но я не могла приблизиться даже на 1 процент к тому, чтобы хоть на миг стать счастливой. Я и не помню, когда последний раз чувствовала себя такой.

Мои дни проходили абсолютно одинаково, а я всё больше не хотела верить в то, что в моей жизни всё так плохо, так, что хуже быть уже не может, я понимала, что дошла до грани, и от этого временами мне становилось очень страшно. Я не заходила на страницу Эрика, старалась гнать от себя

любые мысли о нём и о том, что он может когда-то мне позвонить или написать. Я понимала, что нужно его забыть... но не могла. И боль внутри давала о себе знать почти каждый миг.

– Ну а что Эрик, не писал тебе? – спросила как-то во время телефонного разговора Ната.

– Нет. Я не хочу говорить об этом, – грустно и тихо ответила я, еле сдерживая слёзы от боли, которая снова начала сдавливать мне грудную клетку и мешать мне ровно дышать.

– Всё-таки какая же ты дура! Что надо было сделать, чтобы так резко всё обрубить? Ты невыносима! Ты хочешь помощи, но тебе же невозможно помочь! Ну бред, правда! Ну почему ты всегда всё портишь?

– Слушай, а почему ты никогда не можешь меня поддержать? – в свою очередь вспылила я.

Мне всегда казалось, что подруги должны находить какие-то слова, чтобы становилось легче, а не тяжелее. Но мои подруги не отвечали моим убеждениям и представлениям о дружбе. Если они считают меня идиоткой, зачем же продолжают общаться, звонят и пишут?.. Не могу понять...

Дни проходили, ничем не отличаясь друг от друга и не запоминаясь. Есть не хотелось совсем. Я время от времени чем-то вяло занималась, но очень быстро забывала, чем именно. Сидела в интернете, и порой ловила себя на мысли, что не помню, что смотрела 5 минут назад. Мой мозг, как

и моё тело, вечно спали. Я могла лишь что-то делать руками. Изредка садилась за мольберт, каждый раз думая о том, есть ли хоть какой-то смысл в том, что я делаю. Но в процессе работы я на время забывала эти мысли. Вообще мыслей стало меньше в моей голове. Я устала от их бесконечного потока. И ещё заметила, что перестала хотеть молиться. Совсем! Возможно, я поняла, что это совершенно бессмысленно. Только дети могут наивно верить в то, что «кто-то там наверху» услышит их мысли или слова! Однако многие взрослые, как мне известно, молятся... Только кому?.. Тем, кого себе придумали... У меня другой версии нет. Я слишком долго верила в несуществующие вещи. Наступил момент, когда мне это безумно надоело, просто до жути. Стало противно от обмана, любого! И я готова была кричать о той правде, в которую сама не хотела верить, по сути, всю свою жизнь. Наверное, это тоже как одна из форм протеста или наоборот отчаяния... Когда надоело играть роль. Я готова выйти на улицу и кричать о том, как мне плохо, как я несчастна, готова рыдать, готова на всё, лишь бы хоть как-то спасти свою больную душу! Но только знаю, что никто не спасёт... даже если захочет. Но никто и не хочет. И от осознания этого мне так хочется наглотаться таблеток и пойти утопиться в ванной. И это не шантаж, не привлечение к себе внимания, я уже знаю, что это не работает. Все только бросят в итоге и забудут. Жизнь нереально жестока. И бороться с ней бесполезно.

В один из тёмных, привычных вечеров, мне после просмотра одной мелодрамы стало настолько плохо, что я была готова на самые непоправимые вещи. Я легла на кровать, как обычно желая уснуть навсегда, но организм не мог заснуть, несмотря на подавленное состояние, которое я ненавижу и которое так часто ощущаю в себе. И я снова начинаю плакать, и чувствую лучик надежды на то, что эти слёзы как-то помогут изменениям в моей жизни скорее дойти до меня. Проплавав больше часа, я вдруг разозлилась на себя и на всё то, что происходило. Я закричала, стала крушить всё, что находилось рядом и попадалось под руку. Мне было плевать на всё: было необходимо дать волю эмоциям. В итоге я упала на пол без сил. Смотрела в потолок, не моргая, после чего закрыла глаза руками. «Как дальше жить? Это же невыносимо! Это же безумие!» – говорила я себе по несколько раз. Сил плакать больше не было. И тут я резко встала, надела пальто, не застегнув, сапоги и взяла оставшиеся у меня копейки и паспорт. Зачем-то закрыла свою никому кроме меня не нужную квартиру и вышла на улицу. Морозный воздух ударил в лицо. Стояла «звонящая» тишина, вдалеке гуляла пара человек с собаками. Я медленно побрела в сторону магазина. Слёз внутри меня не осталось, я могла лишь стонать. В магазине я купила себе пиво и пару алкогольных напитков, на которые когда-то, лет 15 назад, смотрела с таким вождением, у меня нереально загорались глаза, когда я видела красивые разноцветные прозрачные бутылки с коктейлями

типа «Пина Колада» и «Космополитен». Тогда ещё их могли продать без паспорта в какой-то палатке недалеко от метро. Теперь же всё официально разрешено. Только меня совсем не интересует алкоголь. Я знала, что он ни черта не помогает, но почему-то в тот момент решилась на этот отчаянный шаг. С небольшим пакетом в руке я вышла из магазина и побрела в сторону ближайшей к дому детской площадки. Там я села на качели, наплевав на то, что делать это абсурдно в такой мороз, и открыла одну из бутылок. Как только я почувствовала давно забытый вкус пива, во мне сразу же проснулись воспоминания о том, как я много лет назад со своими подругами гуляла в такой же мороз по вечерам и ночам на подобных этой площадках, как пила лёгкий и не очень лёгкий алкоголь, внутри которого были льдинки, как не чувствовала кистей рук, которые были огненно-красные от мороза, как и не думала надевать шапку, находясь в компании, хотя, конечно, очень хотела. Было интересно, весело, и, как мне казалось, круто, я тогда точно не думала, что это всё ад, безумие, сумасшествие. Это было прикольно. И потом мы вынуждены были проводить время на улице большой компанией, нам тогда некуда было пойти. Поэтому мёрзли на улице, но не страдали. В тот момент не страдали. А потом лично я много раз болела. Тогда ещё я не относилась к простуде так ужасно, как теперь, да и вообще ко всем болезням. Это сейчас для меня это трагедия, с которой я не хочу бороться, но и не могу смириться, а тогда всё было по-другому.

му: я всё в своей жизни принимала как должное. А сейчас в моей голове только одно слово, описывающее мою жизнь: «Ненормально». И я не хочу принимать всё, что имею, а, точнее, не имею. Я сидела одна на качелях, пила ледяное пиво и смотрела вдаль. Мне нравилось то, что я ощущала, я всегда любила такие моменты. Я чувствовала себя свободной... от всего... и несчастной. Я понимала, что я одна в этой жизни. Я свободна как ветер, даже не как птица... В рамках реальности я добилась той свободы, о которой так мечтала долгие годы. Только это не та свобода, о которой я мечтала, ведь она не принесла мне счастья. Наоборот сделала самой несчастной на Земле. Но мой разум был свободен. Я знала, что могу делать всё, что хочу, что никому ничего не должна, что мне никто не позвонит, не напишет, никто меня нигде не ждёт, никто не ждёт моего ответа или ещё чего-то. Меня нет. Я человек-невидимка. Я даже не мусор, ведь я никому не мешаю. Свобода... да, как права Ася... Оказывается, свобода – это не то, что я думала...

Я выпила всю бутылку и хотела открыть следующую, но поняла, что мои руки уже не работают из-за обморожения, к тому же открыть ту бутылку без специального приспособления было нереально. Я поплелась домой, уже слегка пошатываясь. В голове было только одно: «Как же противно жить!» Я знала, что это не временное помутнение рассудка, это моё истинное мышление, которое лишь иногда «засыпало» во время каких-то радостных и счастливых моментов

моей жизни, которые я уже давно не помню и не хочу вспоминать. Вернувшись домой, я снова легла на кровать. В голове творилось что-то странное, я с трудом могла разобраться в собственных мыслях и видениях, удивляясь тому, откуда они берутся. Когда я, по-видимому, уже заснула, мой телефон зазвонил. На автоматизме, в полной уверенности в том, что звонит мама, я взяла трубку.

– Привет, – послышался до боли (именно так) знакомый голос.

– Эмм... А... кто это..? – с трудом произнесла я, глядя на экран.

Да, это был он. Тот, чьего звонка я так долго ждала, что уже перестала ждать.

– Я хотел узнать, как ты. Написал тебе в сети, но ты неходишь туда. Надеюсь, у тебя всё в порядке.

Я рассмеялась. Внутри снова всё затрепетало и моё сопротивление тоже, конечно же, включилось. Хотелось и кричать, и плакать, и смеяться одновременно.

– Нет, конечно! У меня далеко не всё в порядке! У меня всё как обычно ужасно! А тебе-то что? Разве тебе не всё равно?! – эмоционально ответила я, понимая, что уже пьяна, и мне это безумно нравилось.

– Нет. Мне не всё равно, – сказал Эрик вполне серьёзно. – Что с тобой? Ты... пьяна?

Я снова засмеялась.

– Ага. Как-то так получилось... Только что-то алкоголь

не сильно помогает...

– Где ты?

– А где я могу быть? Я дома. У себя дома. Одна. Всё как обычно. И как будет вечно! – сказала я, стараясь не включать свои эмоции и чувства.

– Может... я приеду? Я не хочу, чтобы ты натворила глупостей.

Я бросила трубку. Мне нечего было ответить. Слёзы снова потекли из глаз, и мне очень захотелось пойти на кухню, взять самый острый нож и вонзить его себе прямо в сердце. Мне было больно. Больно просто жить. Находиться в полном одиночестве в своей квартирке, но при этом мечтать о том, чтобы рядом ВСЕГДА был тот, кто меня будет любить, обо мне заботиться и дарить мне радость и кучу всего прекрасного каждый день. Что будет только счастье и никакой боли. Что этот человек заберёт мою боль, вырвет её из меня навсегда. И я знала, кто этот человек.

Раздался долгий и громкий звонок в дверь, который я ненавижу, как мне тогда казалось, всего через пару минут после моего разговора по телефону с Эриком. Я не могла встать. Совсем. Моё тело по ощущениям было похоже на что-то размякшее, тяжёлое, липкое... Снова звонок. Я понимаю, что не могу заставить себя подняться. В глазах периодически загораются какие-то разноцветные огни. Зво-

нит телефон. Меня это начинает немного раздражать. Спустя примерно полминуты я беру трубку.

– Открой мне дверь, – сказал Эрик и после небольшой паузы добавил: – Ты можешь встать?

Я лишь вздохнула и положила трубку. Я плохо соображала, но при этом понимала, что выгляжу так, что меня можно было снимать в фильме ужасов без грима и что от меня ужасно воняет. Что делать? Мой мозг сломался и отказался пытаться работать.

В итоге я каким-то неизвестным мне образом встала и впустила Эрика в квартиру. Сама я стояла, держась за дверь. «Только бы алкоголь не пошёл обратно» – вдруг подумала я. Эрик смотрел на меня, не выражая своим взглядом ничего. По крайней мере, я тогда не увидела чего-то, что могло броситься мне в глаза. Главное, что я понимала, он не осуждал меня и не жалел. Для меня это было важно, правда, не в тот момент.

– И зачем ты приехал? – начала я разговор, хотя мне это было не очень-то интересно.

– Я... мы долгое время не общались, я захотел узнать, как ты. А когда услышал, что ты пьяна, решил приехать. Я знаю, что ты одна и... тебе некому помочь...

– Да не надо мне уже помогать, – сказала я вполне серьёзно. – Я просто устала. Не вижу выхода.

– Если ты не видишь выхода, надо его создать, – сказал он, улыбнувшись уголком губ.

Я повернулась и пошла в комнату.

– Извини, не могу тебе ничего предложить, я не ждала гостей... У меня есть только алкогольный коктейль... и не знаю, что ещё... – я начала немного приходить в себя.

– Да мне ничего не нужно, – ответил Эрик.

Некоторое время мы просто стояли на определённом расстоянии друг от друга. Я чувствовала напряжение и не понимала, что нужно делать. Он пристально смотрел на меня. Я не помню, как он оказался рядом. Моё сердце бешено забилось, и я испугалась, что не смогу с этим справиться. Его рука коснулась моего лица. Моего, как я была убеждена, совсем непривлекательного и помятого лица. Но тогда мне было плевать на то, как я выгляжу. Его нежные губы касаются моих, и у меня мгновенно сводит всю область живота. А дальше начинается то, в чём я хотела бы навечно утонуть. Потому что это океан Жизни, океан Любви, океан всего самого Прекрасного, что может быть в этом мире. Не существовало ничего кроме нас. Не существовало ни времени, ни каких-либо преград, ни проблем. Было лишь плавное, совершенное течение воды, то горячей, то чуть более прохладной, и казалось, что напиться ей невозможно. Я, наконец, узнала, что значит заниматься любовью. Именно любовью. Когда два человека сливаются в единое целое. Это было так нежно и одновременно так страстно! Я узнала, что такое, когда два человека близки. До того момента я никогда не чувствовала такого доверия, я никогда не испытывала таких незем-

ных ощущений. Мой мозг был полностью отключен. Наверное, если бы он мог улыбаться или танцевать, он делал бы именно это. Внутри меня были включены лишь мои ощущения, лишь то, от чего я могла получать истинное наслаждение. Каждая клеточка моего тела ощущала абсолютно всё: каждое его движение, каждое прикосновение. И мне хотелось ласкать каждый миллиметр его тела, его лица, которые были абсолютно совершенны. Во всём этом не может быть фальши. В такие моменты люди просто не могут друг друга не любить! Мне казалось, что наши души были в тот момент как никогда открыты друг другу, и никаких слов не нужно было! Ни единого слова! Только наше дыхание, прикосновения. Язык наших тел говорил всё за нас. Я не хотела думать ни о чём, да и не могла! Ведь в тот момент происходило лучшее, что могло быть в моей жизни, то, чего я так долго ждала.

Я открыла и глаза, пытаясь вернуться в действительность и понять, где я. Спустя пару минут, мозг выдал мне воспоминания о том, что было перед тем, как я отключилась, и я офигела. Интересно было бы посмотреть на моё выражение лица в тот момент. Конечно же, первое, о чём я подумала, это то, что мне всё приснилось. Конечно же, это был сон, просто очень реалистичный. Всерьёз думая, что этого на самом деле не было, я закрыла глаза. Но спустя пару мгновений я услышала звуки какой-то деятельности на кухне. «Ма-

ма приехала?» – подумала я. Но потом я подумала, что мне это всё показалось. И тут мой мозг резко выдал мне новую информацию: «А что, если это было наяву? Где... Эрик? Он ушёл? Нет, только не это!» Моё сердце безумно заколотилось, я чувствовала сильнейшие удары внутри себя... Страх перекрыл мне дыхание. Несмотря на то, что моё тело меня не слушалось, ноги не шли, а голова раскалывалась, я как-то смогла подняться с кровати и пойти в сторону кухни. Дорога в моей маленькой квартирке показалась мне вечностью. «А что, если дома никого? Я одна? Опять? Я этого не переживу!» Меня начало трясти. Я дошла до коридорчика, ведущего на кухню. Сглотнув и набрав в лёгкие воздуха, я повернула. И увидела его. самого прекрасного, самого красивого и самого любимого человека на свете. То, что я чувствовала, я ощущала в последний раз, когда, будучи ещё маленькой, открывала входную дверь мокрыми от волнения руками и видела маму, которая вернулась с работы. Живая, здоровая... Как я была рада, даже, наверное, счастлива, с каким облегчением я выдыхала! Мама дома! Теперь можно снова Жить! То же я почувствовала и в тот момент. Он здесь, он рядом, он не ушёл. Всё хорошо. Какое счастье! Как я хочу, чтобы это мгновение длилось вечно!

– Я не мог уйти. Это было бы слишком жестоко... – произнёс он, глядя на меня.

Я улыбнулась. Тогда мне казалась, что вся кухня озарена солнцем. Так и было. Потому что там был он.

– Я сделал тебе пару бутербродов из того, что у тебя было... чай... Чем ты вообще питаешься, если в холодильнике совсем пусто?

Я хотела что-то ответить, но вдруг в моих глазах потемнело, и я лишь успела понять, что падаю.

Через несколько мгновений я вновь открыла глаза. Лицо Эрика теперь было уже очень близко.

– Тебе срочно надо что-то попить и съесть! Тебя тошнит? Ты вся зелёная!

Я хотела ответить что-то вроде: «Ну как можно стать зелёной, я же не Халк⁶!», но сил у меня никаких не было. Эрик принёс мне чай.

– Тебе нельзя резко вставать.

Я отпила из кружки немного чая и посмотрела на него, а затем прикоснулась к его руке. Он в свою очередь большим пальцем другой руки начал гладить мою щеку. Я хотела нажать на паузу на «пульте» жизни, но не знала, где этот «пульт».

– Разреши мне сделать тебя счастливой, – произнёс он своим низким, но таким нежным бархатным голосом.

Из моих глаз в один миг одна за другой потекли слёзы. По всему телу пробежали миллионы мурашек... Я как никогда чувствовала себя живой, как никогда чувствовала Жизнь.

– Ты уже сделал меня самой счастливой на свете, – ти-

⁶ Герой комиксов «Marvel»

хо сказала я, улыбаясь. – Но я не против быть счастливой и дальше.

– Прости, мне нужно ехать, у меня меньше чем через час начинается репетиция. Я позвоню или напишу, как освобожусь.

После этого он встал и начал собираться. Мой мозг снова отключился, так как почувствовал надвигающееся слово: «Опасность». Я с ужасом думала о том, что будет, когда он уйдёт. Как я буду жить? Точно когда мама уходила на работу, и я не понимала, что делать дальше. «Что же мне теперь делать одной?» – каждый раз думала я со слезами на глазах. Как же мне было больно и плохо! Я считала часы и минуты до её прихода... Неужели это всё снова повторяется? Эта тотальная зависимость... Я уже не представляю жизни без него! Мой мозг не понимает, как можно после того, что произошло, снова остаться одной! Стало страшно, больно, уже одиноко. Когда он полностью собрался и оделся, он опять подошёл ко мне. Он смотрел на меня так, что я не могла отвести взгляда.

– Помни: есть только «сегодня». Не копайся в прошлом, не думай со страхом о будущем. Живи в моменте. Жизнь не заканчивается! Находи в каждом моменте Жизнь! Чувствуй её, чувствуй себя... – и после этого его губы вновь коснулись моих.

Когда дверь закрылась, страх полностью окутал меня, я была парализована, я не могла дышать! «А если он ушёл на-

всегда?» Ком в горле был настолько сильный, что он сдавливал мне всю шею, руки были ледяные, в глазах стояли слёзы. Я действительно несколько минут была скована этим жутким страхом. «Нет, я не хочу, чтобы это был конец! Нет! Но что мне делать, если он не позвонит? Что я тогда буду делать?» – кричала я внутри себя. Я встала с кровати и начала ходить по комнате, так, как делала, когда мама не подходила к телефону, и я страшно волновалась. Я не понимала, как мне прожить ближайшие часы, как дожить до вечера, как дожидаться его звонка и что делать, если он не позвонит. В мыслях было только одно. «Не смей так делать!» – вдруг прокричала я, запрокинув голову к потолку. Я обращалась к Господу. «Нет, с меня хватит боли, я больше не выдержу! Я умоляю, не наказывай меня, я не хочу расплачиваться за эти мгновения счастья! Я хочу быть с ним, только с ним! Пожалуйста, сделай так, чтобы мы были вместе, я умоляю!» Я плакала, хотя слёз было не так много, а вот страха внутри был океан. Внутри меня будто была густая чёрная смола, в которой я утопала всё больше и больше, внутри которой я не могла пошевелиться. Я чувствовала абсолютную беспомощность, бессилие, неспособность на что-либо повлиять. Я чувствовала себя марионеткой в чьих-то руках, в «руках» высших сил. Я ощущала себя жертвой жизни, потому что всё в жизни проходит, жизнь – это непрерывное движение вперёд. Именно за это я её ненавижу. Мы не знаем, что будет дальше, и мы никак не можем к этому подготовиться. Мы всегда

готовы к счастью и никогда не будем готовы к несчастью. Я не готова к ударам судьбы, я это понимаю. Я не смогу это пережить, я слишком слаба. Остаётся верить только в то, что Бог даст мне испытания «по силам», но только, зная свою жизнь, догадываюсь, что вряд ли так будет.

Я была вынуждена в итоге успокоиться, взять себя в руки, через силу съесть то, что мне приготовил Эрик, и продолжить свою работу, выполнять которую мне так не хотелось. Мне хотелось жить, хотелось быть с ним, а не сидеть снова в одиночестве и что-то делать. Неважно, что, важно — что снова одной. Я в очередной раз смирилась с ситуацией, как делала практически каждый день своей жизни, и села за работу. Я не могу сказать, что рисование, как и любая работа руками, успокаивает. Может быть, кому-то она и помогает отвлечься, но точно не мне. Большую часть времени во время работы я начинаю активно думать, и мне это очень не нравится. Моя голова редко бывает пуста, но в такие редкие моменты, когда такое всё же случается, я вздыхаю с облегчением и наслаждаюсь этим временем, наслаждаюсь этой пустотой. Потому что мне кажется, что мои эмоции и страдания, засыпают, притупляются, и внутренне мне становится так хорошо. Но только это пустота. А она точно не характерна для жизни. Я не хотела смотреть на время, смотреть на телефон и ждать его звонка. Но я нервничала. Внутри я была спокойна, но мой организм говорил об обратном, я не могла совладать со своими нервами. Но у меня не бы-

ло вариантов кроме одного – сидеть и ждать. В 11-м часу он позвонил. Спросил, как я, и сказал, что у него есть важные дела и он не придет. Что позвонит или напишет завтра. Мне стало очень плохо после этого короткого разговора. Снова стало больно. Когда я положила трубку, я заплакала. Это были просто слёзы... от отчаяния, безвыходности. Я снова чувствовала себя самой несчастной и самой одинокой в этом мире. «Неужели это всё?!» – с ужасом думала я. Я понимала, что ничего не могу сделать, не могу изменить ситуацию. «Всё в твоих руках». Сколько раз мне повторяли эту фразу! Но я не могу идти против воли судьбы, я не могу бороться с законами жизни, с людьми... Я не могу ничем управлять! В тот момент я снова не понимала, что мне делать, как спастись. Когда всем не до тебя. «Боже, как ужасно! Как стыдно! Я всю жизнь никому не нужна! Ну почему именно я, за что мне это с самого начала моей жизни?!» Я никогда не знала, что такое семья, я никогда не была окружена людьми. Да, в определённый период моей жизни, когда я часто находилась в коллективе, я общалась с людьми, активно и интересно жила... Но как только я окончила институт, всё это исчезло. Я понимала, что меня ждёт «чёрная дыра». И я, к сожалению, не ошибалась. Я опустила руки, закрылась ото всех в своей «раковине» и стала просто существовать. Нервных срывов со временем стало меньше, но прошло слишком много лет. Долгое время я плакала, а порой безумно рыдала, каждый день, и бывало, по несколько раз. Я искала выхо-

ды, не хотела мириться с собственной жизнью, не могла её принять... Но я не нашла ни единого выхода. Я не смогла себя изменить. Я проиграла. Устала. Сделала неправильный выбор, но, как мне казалось, он был вынужденный и единственно возможный лично для меня.

Я позвонила Асе.

– Можно к тебе прийти? Мне очень нужно тебе кое-что рассказать. Это важно, – сказала я.

– Слушай, вообще я занята. Мне, правда, некогда.

– Ась, мне это очень нужно. Прошу.

В итоге моя великодушная подруга согласилась меня принять, понимая, что мой монолог затянется часа на три. Она воспитанная, терпеливая, милосердная, и вообще ангел во плоти. Мне очень с ней повезло, но я беспощадно пользуюсь её добротой. Я понимаю, что ничего не могу ей дать как подруга, и часто меня это напрягает. Я всегда чувствую свою вину перед ней и иногда с ужасом осознаю, что никак не могу её загладить.

– Представь, как мне сейчас тяжело... После того счастливого, волшебного... что произошло, – говорила я ей. – Я не знаю, что делать дальше. Я не понимаю, что должна делать!

– Ох... я не знаю. Но зная тебя, я могу дать только один совет: не сходи с ума, не теряй разум и почву из-под ног. Продолжай жить, как жила. Не зацкливайся на нём, не думай постоянно о том, что тебе надо делать. Не решай гло-

бальные задачи, которых нет.

– Но он уже изменил привычное течение моей жизни. Он уже перевернул всё внутри меня! Господи... я не знаю, как с этим справиться!!! – снова закричала я в слезах.

После небольшой паузы Ася сказала:

– Вспомни, что ты мне когда-то говорила. Что ты сказала себе: «Стоп». Ты больше ни в кого не влюбляешься, ни по кому не сходишь с ума. Вспомни, как ты мыслила, как ты говорила много лет! Ты приняла для себя тогда верное решение. Да, ты всё равно страдаешь, но ведь тебе не нужен ещё один мощный повод для ещё более безумных страданий! Ну если ты не умеешь быть счастливой! Ты всегда делаешь трагедию на пустом месте! Он что сказал, что между вами всё кончено?!

Мой ответ не требовался. А я, тем временем, начала думать о том, что было много лет назад, как я мыслила, как столько раз страдала от неразделённой или вообще недоступной мне любви... Как я перестала верить в любовь и перестала её ждать. Как однажды наш культуролог в институте сказал нам в тот момент, когда нас было немного в аудитории: «Главный „вуз“ для девушки – выйти удачно замуж». Я тогда возмущённо подумала: «Да что за старо-древние убеждения, что за ограниченность?!», а потом чуть ли не на всех «углах» кричала: «Надо уходить в работу, реализовываться в профессии! Работа не предаст!!!» Тогда я и допустить не могла, что и твоя профессия может делать больно, что

больно может быть вообще от всего! И что даже профессия может не ответить тебе взаимностью, даже если ты полностью отдаёшься ей. А позже я тотально разочаровалась в жизни и перестала верить в справедливость.

Когда я вернулась домой, сил на работу у меня уже не было. Я думала всё-таки написать Эрику, но была уверена, что он не захочет со мной переписываться, и снова сдержала свой порыв. Мне хотелось «лезть на стену» в прямом смысле слова. В голове в очередной раз возник вопрос: «К чему же это всё приведёт?» Прошлое показалось мне таким незначительным. Точно как и моё настоящее. Я легла на кровать. Почувствовала, как моё тело устало от вечно расслабленного состояния, но я знала, что другого у него, скорее всего, не будет. Меня снова не было нигде и ни с кем. Разум сказал мне: «Пока» и отключился.

На следующий день ко мне неожиданно нагрянула мама. Я уже догадывалась, что длительной лекции мне не избежать, но только мне было совершенно не до этого, впрочем, как и всегда. Все мысли были о том, где Эрик, чем он занимается и когда напишет.

– Долго ты ещё собираешься так проводить дни и свою жизнь? – спросила с крайне недовольным видом маман.

– Я ничего не собираюсь и не планирую, – коротко и честно ответила я.

– Ты считаешь, это нормально? Ну если у тебя не получилось ничего... значит, надо заняться чем-то другим, надо из-

менить своё сознание. Надо зарабатывать деньги, надо иметь стабильный доход! Сколько можно жить за мой счёт?! Хорошо ты устроилась, очень удобно! Но тебе самой не стыдно?

– Перед кем?

– Да перед всеми!

– Я живу одна и мало с кем общаюсь.

– Мне стыдно! Что я о тебе должна говорить?

– А за что тебе стыдно? – начала закипать я. – За то, что твоя дочь – художница?! И вообще, почему тебе всегда так важно, что подумают другие?! Они кто вообще?! Если они ничего не понимают – это их проблемы!

– Проблемы только у тебя, и причём большие! А ты не хочешь их решать! Ты не хочешь брать ответственность за собственную жизнь! Я тебя тяну, а помогаю тебе всю жизнь... Но это не может длиться бесконечно! Я не вечный двигатель, я не робот, как ты думаешь! Мне тоже это надоело, я тоже устала! Сколько можно быть ребёнком?! Только я подкидываю тебе работу, ты сама что делаешь? Я содержу тебя! Но тебе этого мало!

Наезд был серьёзный, но справедливый. Я снова почувствовала свою никчемность и ущербность. Конечно, мама была права. Я жалкая неудачница и эгоистка. Я противна сама себе. Но предать своё любимое дело, прогнуться под реальную жизнь и начать делать то, на что я пообещала себе никогда не соглашаться, я не могла.

– То есть я, художница по образованию и по призванию,

творческий человек, должна пойти работать уборщицей или продавщицей?! Мне надо целыми днями тупо мыть пол или сидеть за кассой и считать деньги?!

– Работу, связанную с деньгами, тебе доверять, конечно, нельзя, а вот научиться мыть пол можно, хоть ты и никогда тряпку в руках не держала... Вообще позор, конечно. Никогда не думала, что моя дочь вырастет такой...

– Ну да, уметь мыть пол – это главное умение в жизни!

– Не передёргивай! Ты ведёшь себя как подросток! Будто тебе 13! Твои ровесницы уже детей имеют, работают, помогают родителям... А ты... Ну в кого ты такая уродка? Даже твой отец не был таким! Он не знал, что такое целыми днями лежать на диване и тупо смотреть телевизор! – начала мама крайне неприятную для меня тему. Ненавижу, когда она начинает сравнивать меня с отцом и вообще говорить про него. Как можно говорить о том, что мой подонок-отец лучше меня?! Для меня это сильное оскорбление.

– Может, не будем о нём? – тихо, без особой надежды сказала я.

– А всё взаимосвязано! Ну если ты сама не смогла воспользоваться своими связями, если не смогла применить где-то свой талант, если не знала, куда пойти со своим дипломом, что теперь мне говорить? Что предлагать?! Я не знаю, как пробиться в этой сфере, как продавать картины, для меня это загадка! Я не нахожусь в таких кругах, я не знакома с коллекционерами! Их должна была знать ты! Но годы тво-

ей учёбы прошли зря!

– Мама, а нам никто и не говорил о том, как и где продавать свои работы! И нас, в отличие от вас, не распределяли на работу после окончания института, институт теперь не даёт ничего кроме ненужной бумажки! – вновь повысила тон я.

– «Ненужной»! Ерунду не говори! Без диплома сейчас никуда не устроишься!

– А где твой? – задала я резонный вопрос.

– Мой мне помог в своё время. И вообще не сравнивай! Тогда были другие времена! Сейчас большие требования! А ты не отвечаешь никаким! Лежишь дома и ждёшь, что тебе кто-то позвонит, пригласит куда-то, даст работу... С чего ты взяла, что так вообще бывает?

– Мне так хочется!

– Надо отделять желаемое от действительного. Не пять лет уже.

– Может, хватит напоминать мне о моём возрасте? – мама снова начала давить на одну из моих болевых точек.

– А ты не води себя как ребёнок! Мне надоело выдумывать про тебя что-то, чтобы не выглядеть в глазах подруг и знакомых полной дурой! Не смогла вырастить нормальную дочь! Ох... Значит, так, сегодня же открываешь интернет и ищешь работу. Сама звонишь, узнаёшь всё, приезжаешь на собеседование. Хватит сидеть на моей шее.

– А что я скажу на собеседовании, можно узнать? Везде требуют опыт! Опыт работы в какой-то сфере! А у меня его

тупо нет! Какой смысл идти? Чтобы снова опозориться?! – ответила я маме так уже в тысячный раз.

– Обойдёшь сто мест – в 101-м возьмут.

– Ты серьёзно?! – я часто поражаюсь маминой наивности.

Я нередко задумывалась о том, чтобы пойти работать хоть куда-то. Не уборщицей и не в магазин, конечно, чтоб опозориться окончательно перед всеми, а куда-то в более приличное место, например, администратором в какой-то центр искусств и тому подобное, но до собеседования так ни разу и не доходило. Я отлично понимала, что такая «временная» работа может стать постоянной, а я этого слишком сильно боялась. И боюсь до сих пор, поэтому обещать что-либо маме я не стала, хотя знала, что она не успокоится, а эта тема не закроется никогда. Я отказывалась верить в то, что приобрела в жизни только негативный опыт и знаю точно, что надо сделать, чтобы не получилось ничего, и совсем не знаю, как сделать так, чтобы гарантированно получилось. Просто тратить свои силы и время впустую я не собиралась. И в таком тупике я нахожусь уже много лет.

Когда мама уехала, я с одной стороны почувствовала облегчение и любимый воздух свободы, с другой мне хотелось застрелиться. «Как жить? Когда везде эти чёртовы „стены“ невозможностей, когда все двери закрыты, когда все отвернулись и не вернулись?» – крутилось в моей голове. Всё моё существо снова сильно захотело спать, спать и только спать. Я готова была прыгнуть с крыши, но опять ударилась об оче-

редную «стену» – как попасть на крышу, если она закрыта?!

Я легла на диван и взяла в руки телефон. Мне ничего не оставалось кроме как написать Эрику. Тупо бродить по неинтересным мне страницам в интернете до жути надоело, как и все бесконечные сериалы, мелодрамы и шоу-проекты, которых я пересмотрела огромное количество за последние годы. «Ты занят? Я хотела бы увидеться» – написала я, и почувствовала, как моё сердце снова бешено колотится. Ожидание ответа, конечно, было мучительным для меня. Через несколько минут он пришёл: «Я пока занят, но вечером постараюсь приехать». На моём лице появилась улыбка. Я не могла поверить своему счастью. Мне казалось, что этот человек уже стал моим смыслом, всем для меня. Мне было страшно, волнительно и радостно одновременно. Лучик надежды внутри меня снова загорелся.

Когда раздался долгожданный звонок в дверь, я была уже готова к встрече с самым важным на тот момент человеком. Я приняла душ, привела своё тело в порядок, на что ушло довольно много времени, сделала макияж, распустила волосы, понимая, что должна выглядеть как минимум прилично, особенно после того, в каком виде предстала перед Эриком в прошлый раз.

– Привет, – просто сказал он, входя в мой дом.

– Раздевайся, проходи, – сказала я так, будто передо мной

был давний знакомый, который заехал «на огонёк».

– Я надеюсь, ты не сильно страдала всё это время, – сказал он, приблизившись ко мне, после чего он нежно дотронулся до моего лица.

– Ну... так... – уклончиво ответила я.

Когда он поцеловал меня, всё внутри меня вновь мгновенно всколыхнуло, зажглось.

– Я действительно был занят, но я не забывал о тебе.

Я предложила пойти на кухню. Там я дала Эрику чай, поставила на стол то, что у меня было. Я совершенно не знала, что делать, а сам Эрик не проявлял какую-то инициативу. Он спросил меня, чем я занималась, и я рассказала ему о том, что приезжала мама, о нашем разговоре.

– Рано или поздно нужно выходить из зоны комфорта. Все через это проходят. Ты останавливаешь себя, сопротивляешься, не давая жизни шансов проявить её возможности. Жизнь невероятно многогранна, но если ты не сделаешь уверенный шаг вперёд, ты ничего от неё не получишь, ничего не увидишь. Жизнь любит смельчаков, безумцев. Сейчас вообще безумие в тренде, особенно в искусстве! Тебе нужно просто пойти и заявить о себе!

– Да как?! – начала снова раздражаться я.

– Ну ты же знаешь пути. Ты просто делаешь вид, что не видишь их. А на самом деле просто не хочешь видеть, потому что они тебе не нравятся.

– Я понимаю это, – тихо сказала я, глядя в пол.

– У тебя есть что-то покрепче? – вдруг спросил Эрик.

– Что-то из алкоголя?

– Да.

– Сейчас поищу.

Я нашла у себя в комнате в одном из ящичков так называемой «стенки» коньяк и дурацкое самодельное вино, которое мама приносила на Новый год, и, взяв бутылку коньяка, пошла обратно на кухню. Я чувствовала волнение в каждой клеточке своего тела. Я взяла подходящие рюмки, которые с трудом нашла, и Эрик налил нам обоим напиток.

– Скажи, что ты чувствуешь, когда читаешь или слушаешь истории людей, которые пережили или переживают в своей жизни что-то по-настоящему страшное? Серьёзные смертельные болезни, теракты, потерю близких... Людей, которые живут с инвалидностью...

Мне нужно было несколько мгновений, чтобы прийти в себя и осознать сам вопрос, а потом ещё столько же, чтобы начать на него отвечать. Слишком серьёзная и болезненная тема.

– Ну... ты же называл разные случаи... – начала я.

– Но их объединяет одно.

– Я восхищаюсь этими людьми. Правда. Для меня это... нечеловеческая сила духа... – мой голос начал дрожать. Я мгновенно вспомнила то, что видела по телевизору в детстве: страшные теракты, которые унесли жизни многих людей, детей, сделали других детей инвалидами. – Я не очень понимаю

тех, кто борется со смертельными болезнями, не понимаю то, как они хотят жить, не согласна с их словами о том, что жизнь – это дар и так далее. Инвалидов я понимаю больше, но... совершенно не понимаю, как они смогли найти в себе силы, чтобы жить дальше. Я не могу себе этого представить, совсем. Просто не понимаю, – мои глаза уже были наполнены слезами.

– Ты не можешь знать их мотивацию, но зачастую она лежит на поверхности... У многих она одинакова...

– Ради родных и близких? – спросила я, улыбнувшись краем губ.

– Ты никогда не хотела жить ради кого-то? Жить достойно, счастливо, преодолевать себя?

Из моих глаз потекли слёзы.

– Знаешь, – с трудом начала говорить я, – когда всё только началось... весь мой, как мне казалось и кажется до сих пор, ужас, в моей голове проскальзывала мысль о том, что должно случиться что-то по-настоящему... страшное, возможно... Что-то, что изменит меня...

– Ты ждала от жизни «пинка»? Ты втайне желала, чтобы с тобой случилось что-то страшное? Это тоже один из признаков мазохиста.

– Я не понимала тогда, что это такое... жить с этим... Что твои проблемы – это только твои проблемы, только твоя боль... – сказала я, вытирая нос рукой.

– А сейчас?

– Теперь я понимаю, что быть несчастной – это совсем некруто, это некрасиво.

– А тебе казалось, что это красиво? – немного удивлённо спросил Эрик.

– Да. В детстве я очень много смотрела фильмов, сериалов, где все главные героини всегда были красивыми, талантливыми, такими... положительными... и при этом обязательно несчастными. Да, мне казалось, что это красиво. И я... я придумывала себе боль... и утопала в ней... – говорила я, уже плохо видя Эрика из-за слёз. – А потом, спустя много лет, выяснилось, что в реальности некрасиво всё, даже боль. Она не может быть красивой. Она ужасна. И она может быть только твоя...

– Ты когда-то сравнивала свою жизнь и свои проблемы с жизнью тех людей, кто стал жертвами чего-то ужасного?

– Невольно, конечно, да. Я понимала, что... мои проблемы – это вообще не проблемы, я довольно неплохо живу и... ну... да, мне становилось стыдно. В те моменты я понимала, как глупо, как ужасно в реальной жизни выглядит моё нытьё... – говорила я, еле сдерживая поток своих эмоций. – Но ведь... мне действительно было больно! Ведь я не играла!

И я закрыла лицо руками. Поток слёз стал ещё сильнее.

– Я не хотел снова сделать тебе больно. Но... тебе нужно, пойми, нужно вспоминать такие моменты... тебе нужно думать о тех, кому тяжелее и о том, что ты тоже можешь оказаться на их месте, – произнёс Эрик. – У тебя должна чаще

происходить переоценка ценностей. Ты не ценишь то, что имеешь.

– Тогда я буду ещё больше плакать! А я не хочу, я устала! – эмоционально ответила я, чувствуя, как ком сдавливает мне горло.

Я встала и подошла к окну. Я горько рыдала. Мне снова было невероятно больно, и я ненавидела эту боль. Я ощущала её каждой клеткой и чувствовала, как моё тело сковано ей. Эрик подошёл ко мне сзади, затем повернул к себе. Я упала ему на плечо, продолжая плакать. Он обнял меня. Мне хотелось раствориться в нём, оставив свою боль где-то очень далеко... и оставив её навсегда. Мне было страшно, больно... и я так хотела, чтобы Эрик почувствовал меня и забрал у меня эту боль. Через несколько мгновений он начал меня целовать. Из моих глаз по-прежнему текли слёзы. Он начал плавно снимать с меня одежду. Я попыталась снять с него свитер, в чём он мне помог, затем мы переместились в комнату. Когда его губы коснулись моего живота, мне свело уже все внутренности. Наступил тот сладостный миг, когда не хотелось думать ни о чём, только лишь получать удовольствие от момента Жизни и торжества Любви. Я хотела, чтобы этот миг длился вечно, но понимая, что это невозможно, я сосредоточилась на том, чтобы всецело прожить каждый момент нашей близости, но у меня ничего не получилось. Я утонула в нашем Океане как в самом прекрасном сне, и каким бы красочным и долгим ни был этот сон, каждый раз, когда он

заканчивается, я понимаю, что он так быстро и безвозвратно пролетел, как все прекрасные мгновения моей жизни, которые составляли лишь одну миллионную от всего моего бытия.

Мы лежали и смотрели друг на друга. Он гладил мои волосы. Я смотрела в его красивые светлые глаза как на уникальное творение природы. В какой-то момент мне снова стало страшно, и я опустила взгляд.

— Знаешь, последние годы я так сильно не хотела жить... Я так хотела умереть! Каждый день! Потому что... я с детства думала... хотела и думала, что стану известной, знаменитой на всю страну... что буду жить намного лучше других... что так должно быть. Я была уверена в этом. А в итоге я не просто не стала жить лучше других, я стала жить хуже. Хуже всех! Всех знакомых и... незнакомых... Хуже всех нормальных людей! Я опустилась на самое дно... И не вижу никакого выхода... Помню, как я стояла у Новой Третьяковки со своими работами... Как ездила туда каждый день... и чувствовала себя полной дурой. Девочкой с улицы, которая на улице хочет продать свои картины... Такая же как все... Обычная девочка, которая рисует, не более. Я не могла это принять, ведь все говорили о моём таланте, о моей необычности... О том, что я должна стать известной художницей... А когда после окончания института я поняла, что я ей не стала... что время идёт, а всё стоит на месте... я стою на месте... Мой мир вместе со всеми надеждами рухнул. Всё, что мне ска-

зали педагоги: «Пиши,ставляйся, ищи возможности, может, повезёт». Я надеялась, что кто-то из них подскажет мне пути, хотя бы направит... Но нет... «Сама, всё сама»...

– Это мир взрослых людей. Тут каждый сам за себя... – сказал Эрик.

– Я это уже давно поняла. Но не приняла. Я мыслила иначе, совсем иначе...

– Но ведь жизнь доказала тебе обратное...

– Жизнь не дала мне то, в чём я нуждалась. Жизнь сама всё решила за меня. Я чувствую, что не в силах что-либо изменить, я могу лишь подчиняться законам своей реальности... Я чувствую себя марионеткой в этой жизни, котёнком, брошенным в океан...

– Ты должна изменить своё сознание. Пока ты так мыслишь, ты и будешь безвольно плыть по течению, чувствуя, что ничего не можешь изменить. Но это не так. Ты сама хозяйка своей жизни. Ты прежде всего хозяйка своего разума, который является твоим главным центром управления. Именно он решает, находится ему в твоих жёстких рамках или расширить границы. Ты категорична, ты смотришь на свою жизнь по-детски. Ты хочешь только чего-то одного, но в жизни есть много всего другого, чего ты не хочешь видеть.

– Ты хочешь мне сказать, что я должна предать свою мечту?! Не получилось здесь, значит, надо уйти, сдаться, бросить дело моей жизни и заняться чем-то другим?! – начала

заводиться я.

– Но... разве ты не предала мечту? Ты же опустила руки. Ты же засомневалась в себе. И не захотела идти теми путями, которые были тебе предоставлены. Тебе они не понравились. Ты не уверена в себе. Ты не любишь себя! Потому что видишь в себе только плохое. Но ведь в тебе есть хорошее. Ты талантлива, и ты это знаешь, но ты любишь только себя в искусстве.

– Что?! С чего ты сделал такой вывод?! С того, что я не работаю над своим мастерством?! Ты считаешь, что я довольна всеми своими работами?! Конечно, нет! Просто я не выдержу критики со стороны, потому что я устала уже от неё! Меня жизнь раскритиковала в пух и прах! Меня всё время все учат, как жить, только и делают, что читают мне лекции! Но на деле не помог никто! – начала я кричать, поднявшись с постели. – Ну... кроме мамы...

– Послушай, я не читаю тебе лекцию, я просто хочу, чтобы ты меня услышала, – сказал мягко Эрик. – Ты сама знаешь, что то, что происходит, ненормально, ты страдаешь от этого, но ничего не меняешь и не хочешь менять. Ответь себе честно: почему? Я думаю, у тебя были возможности получить постоянную работу, продавать свои картины... Но тебе каждый раз что-то не нравилось. Но, пойми, так, как нравится тебе, не может быть всегда. Все люди преодолевают себя, и делают это каждый день.

– Они знают, ради чего они это делают, – парировала я.

– Или ради кого, – ответил Эрик, приподняв одну бровь. – Подумай серьёзно об этом. Тебе точно есть ради кого меняться. А мне уже надо идти... Завтра непростой день...

И я вновь почувствовала себя никем. Просто вещь, которую выбрасывают за ненадобностью. Отвратительное чувство. Он снова уходит, у него дела, Жизнь, а я остаюсь одна... со своими тяжёлыми мыслями... со своими огромными проблемами, которые никто за меня не решит.

Он молча оделся, пока я восхищённо и жадно смотрела на его прекрасное накаченное тело, взял свои вещи, после чего подошёл ко мне.

– Я позвоню, – сказал он, и поцеловал меня в лоб. Как это было ужасно! Почему он обращается со мной как с маленькой глупой девочкой?!

– Всё так просто?! Ты просто вот так уходишь?! – не сдержалась я.

– Ты должна понимать, что у меня есть дела, это нормально. Я не могу постоянно с тобой находиться...

– Ты так говоришь... Как будто ничего не было! Ты не можешь или не хочешь быть со мной?! – эмоционально выпалила я, чувствуя, что меня начинает трясти.

– Ты сейчас начинаешь снова вести себя по-детски, пытаюсь удержать меня упрёками и слезами. Не нужно накручивать себя. Мы взрослые люди, ты должна это понимать. Не нужно всё усложнять, не нужно говорить мне, что я должен делать.

– По-моему, только ты говоришь мне, что я должна делать, – справедливо заметила я.

– Не нужно требовать что-либо по отношению к себе. Ни от кого. Это не приведёт ни к чему хорошему.

Я была очень зла и не понимала, чего хочу: чтобы он остался или чтобы ушёл.

– Я не хочу, чтобы ты плакала, чтобы страдала и мучила себя. Подумай над тем, что я тебе сказал. А позже я позвоню, и ты мне расскажешь, как будешь действовать, чтобы изменить свою жизнь, – произнёс Эрик, кладя в задний карман джинсов телефон.

– Точно позвонишь? – спросила я.

– Точно, – сказал Эрик, улыбнувшись, после чего пошёл к выходу.

«Мне надо жить, я буду жить... несмотря ни на что. Теперь я точно должна», – подумала я, после чего уткнулась в подушку, которая ещё хранила на себе его запах.

Я не понимала толком, почему, но я была в хорошем расположении духа несколько дней, несмотря на то, что Эрик под предлогом важных дел ко мне не приезжал. Я не хотела думать об истинных причинах, я лишь уговаривала себя каждый день просто ещё немного подождать. Каждый день я слушала музыку, думала о нас и работала. Я понимала, что самое прекрасное, что есть в моей жизни из материальных

вещей – это мои работы, которые я искренне люблю. До того времени я очень редко рассматривала свои работы, но в тот период мне хотелось наслаждаться ими. Странно, но они казались мне почти совершенными. Я понимала, что мои картины – это моё богатство, это то, что мне дорого, но с другой стороны, я понимала, что готова была отдать все свои работы и вообще всё, что у меня есть, только бы быть с ним, всегда. Конечно, разум возвращался ко мне, но ненадолго, большую часть времени я находилась в какой-то эйфории, которую, как подозревала, сама себе придумала, нарисовала в своей голове. Но мне хотелось обманываться, лишь бы не возвращаться к своим тяжёлым мыслям, лишь бы только не погружаться снова в свой страх. Я так хотела чувствовать внутри себя гармонию и целостность, а не зависимость и неполноценность. Тогда мне не было плохо одной, но я осознавала, что очень скоро страшное состояние может вернуться... если не вернётся он.

Как-то раз, просматривая посты в ленте одной соцсети, я наткнулась на стихотворение, строки которого были поразительно точными, правдивыми и... снова будто написанными для меня. Начиналось оно с фразы: «Никогда не стой на месте, слышишь?». А дальше шли такие строки, которые моментально попали мне в самое сердце: «Если вдруг споткнёшься – помощи не жди. Только сильным открываются все двери. Как бы страшно тебе не было – держись. Не смотри назад, не смей совсем сдаваться. Если сдашься – проиг-

раешь. Это жизнь. Непростительно слабеть и поддаваться»⁷. А последние строки стали для меня последней каплей: «Никогда не стой на месте, слышишь? Нет. Остановка может стать смертельным ядом...» Невероятно! Почему не я написала эти строки? Ведь я как никто знаю о том, что значит поставить свою жизнь на паузу. Я никогда раньше не думала, что жизнь можно остановить. Я не думала, что мы в силах! Оказывается, течение жизни и её наполненность зависит от нас самих. И эти строки говорят о том, как в жизни будет на самом деле, какие будут последствия неправильных решений. «Никогда не сдавайся» – это не просто красивая мотивационная фраза, это приказ тем, кто хочет Жить! Сдаваться нельзя – наказание будет беспощадным. А я сдалась... Но, если честно, я не думала, что всем будет настолько всё равно, да, я ждала, что кто-то вытащит меня... Но этого не смогла сделать даже мама. А сейчас... жду ли я помощи от Эрика? Конечно, жду, не стану вновь врать себе. Я уже требую от него слишком многого, и от этого мне становится страшно. Мне страшно его потерять. И мне страшно его любить. Я спотыкаюсь о собственные мысли, я не доверяю своим чувствам, я приказываю им исчезнуть, но только это совершенно невозможно. Можно ли приказать себе не любить? Наверное, нет. Но можно отключить мозг. И я старательно ищу способы, как это сделать раз и навсегда.

Дни пролетали так же быстро, как и всегда, и не были на-

⁷ Стихотворение Зураба Хараишвили

полнены чем-то, что могло запомниться. Я писала Эрику, он односложно отвечал мне, что занят, что обязательно позвонит, но так и не звонил или звонил на пару минут, узнать, как мои дела и пообещать, что в скором времени приедет. Я не знала, что думать, поэтому старалась не думать ничего, просто жить так, как жила, правда, это уже не представлялось для меня возможным. Я несколько раз переписывалась с Натой, мы думали сходить вместе в один итальянский ресторан, но мне было понятно, что этого, скорее всего, не произойдёт, потому что у Наты своя жизнь, куча дел, тусовок и дружеских встреч. Ната пытается добиться красивой жизни любыми способами, она зациклена на роскоши, на «звёздных друзьях», на дорогих домах и машинах, хотя в лучшем случае ездит на такси и живёт у каких-то своих якобы друзей. Что интересно, о своей личной жизни Ната не рассказывает, но даёт понять, что постоянного партнёра у неё нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.